

Александр Уваров

Созвездие Волка

Александр Уваров

Созвездие Волка

«Издательские решения»

Уваров А.

Созвездие Волка / А. Уваров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748761-4

Под патронажем спецслужб гениальный врач-психиатр создает из пациентов своей клиники ударный отряд революционеров-диверсантов. В рамках финальной подготовки планируется «полевая операция», целью которой должна стать локальная дестабилизация под контролем контрразведки. Однако врач-психиатр, одержимый «комплексом пророка», фактически самовольно меняет план операции и вместо локальной операции отряд революционеров взрывает ситуацию в Москве, что приводит к непоправимым политическим последствиям.

ISBN 978-5-44-748761-4

© Уваров А.
© Издательские решения

Созвездие Волка

Александр Уваров

... Узнаешь рождённых от крови!

Овидий

© Александр Уваров, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Я лечу сквозь сны, как сквозь тёмные тучи.

Свет мне скупо отмерен хозяином осени.

Туманные реки, дожди, ветви-щупальца тянет мир, с осторожностью спрута трогает воздух...

Длинные ветви – сквозь осень, тянет мир ко мне, тиной плывёт в мутной воде вечной осени, мир плывёт.

Мировая река подо мной. Берега не пускают меня.

Я лечу над рекой.

Добрая мама...

Ещё время... Ещё немного времени – держи меня, держи над хаосом, над домом Левиафана.

Тёплыми руками, сильными руками – держи.

После смерти ты стала сильнее. Я чувствую тебя, я говорю с тобой, ты рядом со мной, ты стала моей богиней, спасительницей моей.

Моя добрая мама...

Дальний свет, тихий свет мой, надежда моя!

Не погасни, не исчезни – красны края туч.

Не оставляй меня наедине с этой рекой! Не дай сорваться, слететь вниз! Не дай утонуть в ледяной, тяжёлой, мёртвой, серо-зелёной воде!

Уродливые твари, порождения грязи, порождения донного ила, речные змеи поднимаются к свету. Извитые спиралями коричневые тела скользят по поверхности вод, длинные пасти ощерены, выпученные белые глаза следят за мной неотрывно.

Хищными бросками летят они по воде, сопровождая меня.

И ждут, когда прервётся мой полёт.

Не дай мне упасть, не дай мне забыть о тебе!»

«Я, тварь Божия, криттер...»

23 августа 200.. года. Последняя запись в дневнике.

– Вот странная у тебя привычка: на сигаретах экономить...

Ладеев бросил окурок в писсуар и повернулся к Валентину.

– Молчишь, Бек? Правильно делаешь, что молчишь. На «Ротманс» не мог разориться? Неплохо ведь зарабатываешь...

Валентин улыбнулся. Криво и неестественно. Он вообще не любил и не умел улыбаться. Но иной реакции на критику со стороны командира так и не выработал.

Возможно, потому, что от природы был несколько туповат, до крайности молчалив, видом – обманчиво простодушен и робок, и в обычной жизни – слегка заторможен.

Но во время боевых операций, словно срываясь с невидимых тормозов, превращался в молниеноснодвигающегося и мгновенно и безошибочно разящего врагов демона, безжа-

лостного и холодно-равнодушного inferнального монстра, словно ворвавшегося в этот мир откуда-то из преисподней, населённой гневными богами и тёмными воинами древних мифов.

В иной ситуации Ладеев, хорошо знавший боевые возможности и послужной список Валентина Муратов, агента с оперативным псевдонимом «Бек», не стал бы, пожалуй, без нужды испытывать судьбу и распекал этого бледного, худенького парнишку со стволом в подмышечной кобуре.

Но теперь, точнее – со вчерашнего дня, когда направили Бека в его оперативную группу, нападки и шутки в адрес бледного стали для Ладеева совершенно безопасны.

Потому что сумасшедший в бою Бек начальство (всё, без исключения) любил по-собачьи честно, чисто и бескорыстно. И готов был простить начальнику любой, даже самый болезненный пинок.

Пинок, за который иного, не начальствующего, боевого товарища легко отключил бы мгновенным и лёгким взмахом руки.

– Признаёшь вину? И не моргай так жалостливо! Чтобы я у тебя ещё раз сигарету попросил!.. Чёрт, как же в горле саднит...

Валентин пожал плечами, продолжая всё так же виновато улыбаться.

Ладеев откашлялся и сплюнул в раковину.

– И туалет у них, в институте этом научном... некультурно оформлен. А ещё учёные! Интеллигентные люди, а вот позаботиться о такой важной вещи как туалет...

И замолчал, неожиданно прервав монолог.

Пискнул Bluetooth-наушник. Ладеев, будто поправляя его, провёл по мочке уха.

– Пошли, – отрывисто бросил он Беку.

На ходу, сунув руку за пазуху, снял «Беретту» с предохранителя.

– Без глушителей работаем, – предупредил он Валентина. – Телохранителя ты снимаешь, я работаю по объекту...

Дверь институтского туалета открылась, и на пороге появился низенький, лысоватый мужичок. Одет мужичок был в серый хозяйственный халат, засаленный ворот которого отчего-то стоял дыбом, будто кто-то пытался то ли слишком энергично поправить его, то ли стянуть халат через голову.

Мужичок прижимал к груди невысокую лестницу—стремянку в три ступени, изрядно измазанную серой извёсткой, и моток синей трёхжильной электропроводки.

Мужичок посмотрел на Ладеева недоумённо и, пробормотав: «обалдели совсем... в выходной день, в субботу притащились!», попытался было зайти внутрь.

Но Бек боковым ударом в шею тут же уложил его на кафельный, с полудня пятницы не мытый пол.

– Чего так жестоко? – спросил Ладеев.

– На шум выбежит, мешать будет, – пояснил Бек всё с той же детской, виноватой улыбкой.

– Грубый ты, – с неискренней укоризной произнёс Ладеев.

Нагнулся и, подхватив на ходу моток тяжёлый моток проводки, быстрым шагом вышел в коридор.

«Чего это он выдумал?» удивился Валентин.

Но вслух ничего не сказал, и даже вида не подал. Потому что давно уже затвердил два главных правила: ничему не удивляться и лишних вопросов командиру не задавать.

А в такой ситуации любой вопрос был бы лишним.

«Порадуем „гориллу“ осиповскую подарком» прошептал Ладеев, ускоряя ход.

«Объект на лестнице, охрана – один, без сопровождения» прошипел в ответ наушник.

Они вышли на лестничную клетку. И только там одновременно, заученными и до автоматизма отработанными движениями выхватили стволы.

– Виктор Владимирович, машина у подъезда, – сказал Осипову телохранитель, связавшись с водителем по рации. – Там вохровец какой-то вышел, говорит, что вплотную ставить нельзя. Грозит милицию вызвать!

– Пошли его куда подальше! – распорядился Осипов.

Даже здесь, в здании института, на чужой территории, Осипов чувствовал себя начальником и наполеоновских манер не оставлял.

– Пусть вплотную ставит. И никак иначе...

Он слышал шаги за спиной. Быстрые и мягкие. Будто звери – тихими лапами.

Может, не услышал даже, а почувствовал. Тем самым, шестым или каким там ещё по счёту чувством, натренированным за долгие годы, что занимался он этим опасным и непредсказуемым оружейным бизнесом, приучившим его и к тревожному сну, и к ещё более тревожному бодрствованию.

Почувствовал – и успел, успел ещё повернуться навстречу...

«Вот ведь заразы!»

..тем двоим...

«Что у него там?»

...что выскочили, выпрыгнули чёртиками, да не из табакерки, а из тёмного дверного проёма на лестничной клетке между третьим вторым этажом.

Выпрыгнули, и – и вниз, по лестнице. Прямым к нему.

Телохранитель, в крылья распахнув пиджак, метнулся навстречу этим двоим, что успели на пару ступенек спуститься.

Опасность! Опасность!

Телохранитель среагировал с опозданием на полсекунды. Но эти полсекунды и решили их судьбу.

А, может, и не полсекунды вовсе решили? Может, и без заминки этой ничтожной, короткой были обречены они?

Обречены, едва переступили порог этого здания? Или – когда он решил приехать на переговоры к директору института?

Об этом подумать Осипов не успел.

И вообще – ничего уже не успел. Не успел даже вскрикнуть.

– Держи!

Ладеев кинул телохранителю моток электропроводки.

Бугай метнулся, инстинктивно выбросил правую руку вперёд, защищаясь от летящей ему прямо в голову тяжёлой бухты скрученного синего провода.

Потерял ещё полсекунды. И тут же получил пулю в лоб. Точно по центру.

Он так и не успел взяться за оружие.

Он осел мешком, завалился на бок – и покатился вниз. И остановился в ногах у шефа, ударившись о лакированный ботинок Осипова простреленной головой. О окрасив светло-серые брюки шефа брызнувшей струйкой тёплой ещё крови.

Один из нападавший, низкорослый коренастый мужик (стразу видно – жилистый, мускулистый, тренированный, сволочь!) с грубо скроенным лицом, чем-то неуловимо напоминавшим морду обманчиво-добродушного медведя из зоосада, что только и мечтает усыпить бдительность какого-нибудь наивного посетителя и подманить того поближе к клетке, а там и броситься смертельным медвежьим броском, подошёл ближе к Осипову и отработанным командным голосом произнёс:

– Портфель, портмоне и мобильный!

Осипов покорно, не говоря ни слова, отдал требуемое киллеру.

– Молодец! – похвалил его добродушный зверь.

И дважды выстрелил Осипову в голову.
– Чисто, Вальтер, – оглядев убитых, произнёс Бек.

Ладеев и Валентин спрятали оружие.
Открыли окно на площадке между этажами.
Пробрались на подоконник и спрыгнули вниз, почти бесшумно приземлившись на газон под окнами.

Пробежали вдоль здания института, завернули за угол. С ходу перепрыгнули через высокий, метра в два высотой, забор.

Метрах в пяти от забора, на пустыре, их ждала машина. Белая «шестёрка». Двигатель работал, чадил синеватым дымом выхлопная труба, и двери были заблаговременно приоткрыты.

Они заскочили в машину и старенькие «Жигули», скрипнув и застонав, рванули вперёд, тяжело переваливаясь на поворотах и виражах сбоку на бок.

– Сбавь скорость, Беляк, – скомандовал водителю Ладеев, едва по кинули они глухие закоулки растянувшейся километра на два промзоны. – Не гони! Скоро на Ленинградку выскочим...

Кирилл кивнул в ответ и послушно сбросил скорость.

На Ленинградское шоссе машина выехала неспешным, спокойным ходом.

И с неприметной своею вазовской внешностью затерялась скоро в потоке едущих в область машин.

А через пять минут, подключив мобильный, Ладеев отправил заранее заготовленное SMS-сообщение:

«Vstretili otza na vokzale Doehal bez problem Nikita»

Ладеев переложил вещи убитого и документы из отобранного у него портфеля в заранее заготовленный пластиковый пакет (самый простенький на вид, не привлекающий внимания бело-синий пакет).

Свой же мобильный он оставил в машине. На заднем сиденье «шестёрки» (вместе с Осиповским портфелем).

В «шестёрке», которую загнали они по ухабистой грунтовой дороге в глухой лес где-то за Клином и, облив бензином, сожгли.

Таковы были инструкции: на каждое задание – новая машина. И новый телефон. И новые стволы.

Оружие, кстати, они тоже спалили в машине. Вместе с запасными обоймами.

Оружие, конечно, для нового задания им выдадут. И мобильный с сим-картой тоже не забудут в тайник положить.

А вот с машиной... Опять Беляку угонять придётся, да номера перекручивать. И на двигателе перебивать.

И опять, небось, всё за три дня делать придётся! Как на пожар вечно, ей-богу...

Через три часа пешего хода по забытой богом глухомани они вышли на прокатанный тракторами путь и остановились у края лесной дороги.

– Ну что, бойцы...

Ладеев посмотрел на часы.

– Прогулялись по лесу, проветрились. Порохом и бензином не пахнем, выглядим прилично. До Клина...

Он показал на уходящие вдаль глубокие, до половины заполненные подсохшей глиной колеиные полосы.

– Отсюда километров шесть-семь. До Ленинградки через лес напрямую километра три. Здесь разделимся, дальше двигаемся порознь. Лично я в Клин, пивка попить. И на электричку. Да, если по шоссе двинетесь – лучше в транзитную фуру садитесь.

– Да тут и частники – нормальные ребята, – ответил Беляк. – К кавказцу какому-нибудь подсесть – милое дело.

– Сами решайте, – ответил Ладеев. – Вы люди опытные, сами всё знаете. Сбор шестнадцатого, в одиннадцать вечера. На главной...

– Принято, Вальтер, – ответил Беляк.

А Валентин снова привычно улыбнулся в ответ.

Всё той же напряжённой, кривой и неестественной улыбкой, похожей на гримасу несправедливо наказанного родителями простодушного и неумелого в оправдании своём ребёнка, надеющегося хоть такую улыбкой смягчить гнев, от которого нет спасения.

«Доклад службы наружного наблюдения УССМ.

Контрольная процедура 216.

В 13.50 агенты «Вальтер» и «Бек» зашли в здание института. Агент «Беляк» занял заранее указанную позицию на пустыре.

Через семь минут мы установили, что Осипов завершил переговоры с директором НИИ Семенко И. П. и, сопровождаемый телохранителем, направился к лестнице.

Нами был дан условленный сигнал на проведение ликвидации.

В 13.59 отмечены два выстрела (с интервалом примерно в двадцать секунд).

Наблюдение по отходу «Вальтера» и «Бека» (как непредусмотренное оперативным планом) не проводилось.

В 14.17 к главному входу в здание подъехала милицейская машина (гос. номер ...). Три вооружённых сотрудника милиции вошли в здание.

В 14.35 к главному входу в здание подъехала машина «Скорой помощи» (гос. номер ...).

...запись разговоров и дистанционное видеонаблюдение позволяет с абсолютной точностью подтвердить, что Осипов и его телохранитель убиты...

...для дачи показаний задержан и доставлен в отделение милиции сотрудник института (электромонтёр) Тюхаев И. Н.

По нашим данным, опознать сотрудников оперативной группы он не сможет, поскольку в процессе операции подвергся интенсивному физическому воздействию со стороны оперативников (что вызвало потерю сознания), а так же и потому, что контакт его с группой был кратковременным (звуковой файл «Допрос_запись» прилагается).

...контролёром было получено сообщение от «Вальтера», подтверждающее первоначальную информацию об успешной ликвидации...

...можно сделать вывод, что операция проведена успешно, что позволяет нам рекомендовать оперативную группу «Вальтера» для дальнейших операций по плану «Охота»

Метель гонит снег, лижет белым снеговым языком полустанок.

Далёкий уже, далёкий, далёкий тысяча девятьсот шестьдесят пятый год.

Февраль. Холодный февраль в казахской степи.

Снежинки кружатся в воздухе, летят сквозь синий свет фонаря, полетают вверх, подхваченные ветром, словно хотят вернуться опять на небо, в тёмное ледяное брюхо породившей их зимней тучи, с ветром – вернуться, вверх.

Но слабнет ветер, и срываются снежинки. Под свет фонаря, кругами, спиралями – вниз, вниз.

Под ноги. На скрипучие доски перрона.

Холодно и одиноко. Маленький мальчик засунул руки в карманы (рукавицы уже не грели), подошёл к женщине в коричневом потёртом пальто, что стояла, съёжившись, у края перрона и прижался щекой к её локтю.

«Мама» не сказал, а, скорее, едва слышно прошептал мальчик.

Женщина не ответила ему. Хотя услышала тихий его шёпот.

«Мама, а скоро поезд будет? А в Москве правда цирк есть? С пирожными? Есть очень хочется...»

Женщина левой рукою (к правой прижался сын) поправила пуховой платок.

Словно прикрывала лицо от ветра. Или просто...

«Только б не видел!»

...укрывала глаза.

Мокрые на морозе.

– Товарищи офицеры!

Высшие руководители УССМ и приглашённые на совещание представители ФСО встали, приветствуя начальника Управления специальных стратегических мероприятий генерал-полковника Шевалдина.

Михаил Николаевич необычно быстрым для руководителя такого уровня шагом, не следуя правилам византийской степенности, обошёл присутствующих, каждому пожимая руку, и, энергичным жестом придвинув кресло, присел за стол.

– Здравствуйте, товарищи офицеры. Садитесь.

Шевалдин выждал с полминуты (то ли ожидая, пока приглашённые на совещание сотрудники усядутся поудобнее, то ли просто по начальственной своей привычке паузой нагнетая напряжённость), подвинул ближе подготовленные референтом бумаги с основными тезисами выступления (говорить по бумажке Шевалдин не любил, речи предпочитал короткие и энергичные, однако бюрократические процедуры чтил свято и план выступления требовал от секретариата к каждому совещанию такого уровня).

Быстро пробежал взглядом по намеченным пунктам выступления. Пошевелил губами, словно на вкус пробуя слова будущей речи.

«Энергично, доходчиво...»

– Вопрос сегодня надо решить важный, принципиальный даже, – голосом глухим и задумчивым начал Шевалдин. – У нас на совещании присутствуют представители Федеральной службы охраны. Наши, так сказать, коллеги и боевые друзья. Я представлю вас сотрудникам, а вы уж не вставайте. Без этих обойдёмся, без церемоний. У нас тут отношения товарищеские, простые. С субординацией, конечно, со строгой дисциплиной. Но просто всё, по-боевому.

Шевалдин вполоборота повернулся к гостям.

– Вот, справа от меня. Генерал-майор Сомов, Николай Иванович. И полковник Вишняков...

Шевалдин замялся на мгновение.

– Андрей Александрович, – шёпотом подсказал Вишняков.

– Андрей Александрович Вишняков, – подхватил Шевалдин. – Вот, познакомьтесь, товарищи офицеры. Именно их помощь потребуется нам для решения того важного вопроса, о котором я говорил.

Представитель ФСО генерал-майор Сомов переглянулся с напарником, полковником Вишняковым.

Взгляд у Сомова был выразительный. Такой выразительный, что и слов не надо было. И так всё было понятно.

«Это он с нами решать будет!»

– Вы, Николай Иванович, получили от нас предварительные данные по планируемой операции, – обращаясь к Сомову, сказал Шевалдин.

И, словно бы извиняясь, заметил:

– О нашей конторе мало кто знает. Сами понимаете, специфика службы. Конечно, и у вас тайн хватает, да ещё каких... А тут, знаете ли, само наше существование – тайна.

«Ну, прямо византийцы!» с иронией подумал Сомов.

– Управление стратегических специальных мероприятий, – продолжил Шевалдин. – Оно же УССМ. Создано наше управление два года назад. Указ президента, естественно, не публиковался. Даже среди наших коллег-силовиков о нашем существовании мало кто знает. Отвечаем за проведение операций особой важности в дальнейшем и...

Шевалдин перевёл дыхание.

– ... ближнем зарубежье. Операций настолько деликатных, что любая, даже косвенная причастность к ним любых официальных структур государства российского просто недопустима. В том числе и операций, проводимых в условиях угрожаемого периода. Если говорить открытым текстом...

Михаил Николаевич показал на выложенную серой пластиковой плиткой стену, подсвеченную жёлтыми огоньками бра.

– ...А мы находимся в хорошо защищённом помещении...

Михаил Николаевич добродушно улыбнулся, и остальные сотрудники УССМ, поддерживая начальника, согласно закивали головами.

– ...Среди коллег и боевых товарищей...

Сомов дружески улыбнулся в ответ.

– И, конечно же, – продолжал Шевалдин, – здесь мы можем говорить именно открытым текстом! Так вот, наша структура отвечает за проведение разведывательно-диверсионных операций за рубежом. Мы – партизаны за линией невидимого фронта. Не люблю я все эти громкие слова... Но точнее не скажешь. Партизаны! Не буду уточнять, с кем именно мы воюем. Но война идёт, Николай Иванович. И война беспощадная! По нам наносят удары, мы контратакуем в ответ. Но чтобы не давать врагам козыри в их идеологической войне против России, мы свои акции проводим так, чтобы ни одну ниточку нельзя было протянуть от наших бойцов к официальным структурам России. Партизанские акции, сами понимаете, точечные, выборочные, с маскировкой, с камуфляжем. Иногда – и под чужим флагом. И партизаны наши, даже в наихудшем случае, даже попав в плен, не должны и не будут рассматриваться ни противниками нашими, ни друзьями как сотрудники российской спецслужбы. Они – кто угодно! Авантюристы, уголовники, террористы, солдаты удачи, агенты наших врагов. Кто угодно, но не наши! Они всегда в чужой форме. Или в штатском. Ошибка с Яндарбиевым не повторится! Если бы наше управление занималось этим вопросом...

Шевалдин откашлялся и ладонью потёр горло.

– ...Яндарбиева на глазах десятка свидетелей задушил бы его ближайший сторонник и самый преданный друг. И кричал бы при этом: «Аллах акбар! Свободу Ичкерии!». А убийство объяснил бы тем, что Яндарбиев работает на русских. Сдался бы полиции, дал бы нужные показания. И исчез бы из тюрьмы. Пропал бы с концами. Вот так бы мы действовали! И так будем действовать!

Шевалдин ребром ладони не сильно, но отчётливо и резко стукнул по краю стола.

«Творчески мыслит мужик» с нарастающим беспокойством подумал Сомов. «Уж очень творчески! Оперативное искусство на грани преступления. Или за гранью...»

– Так что... Нас как бы и нет, – подвёл промежуточный итог Шевалдин. – Но мы есть!

Он замолчал и странным, помутневшим, остановившимся взглядом посмотрел на офицеров ФСО.

На Вишнякова этот взгляд не подействовал никак. Он сидел прямо, абсолютно неподвижно, с дежурно-внимательным выражением лица слушая речь Шевалдина. И в продолжении затянувшейся паузы он всё так же внимательно вслушивался, только уже в тишину.

А Сомову стало не по себе. Испарина выступила на лбу, струйки пота потекли по спине. Душно стало так, что захотелось рвануть тугой, накрахмаленный воротник белой рубашки, так рвануть, чтобы пуговицы отлетели прочь. Узел галстука дёрнуть вниз, ослабляя удавку.

А того лучше – в коридор выбежать. Прочь из этого зала!

И хоть с минуту... с полминуты – подышать вволю, дав отдых тяжко, с болью забившемуся сердцу.

Он, опытный офицер, оперативник... Залез! Влип!

«Господи, да что за люди! Куда я попал! Что за публика... Да мне же по гроб теперь покоя не знать!»

Однако внешне он старался сохранять спокойствие и выдержать испытание длинной паузой, которую (Сомов прекрасно это понимал!) Шевалдин специально затягивал, дабы выдали бы приглашённые офицеры истинную реакцию на его слова каким-нибудь неосторожно нервным жестом или обеспокоенным выражением лица.

«Ну уж нет!» подумал Сомов. «Не на тех напал!»

– Вот так, – прервал молчание Шевалдин. – Вопросы будут?

– Да, есть вопрос, – чётко произнёс Сомов. – Раз вы пригласили нас на это совещание и в общем ввели нас в курс дела, то, стало быть, ждёте какой-то помощи от нашей службы.

– Это не вопрос, – заметил Шевалдин.

«А вот ты-то и нервничаешь!» догадался Сомов. «Вот так... Строгость и требовательность решил изобразить? Хорошо, будет тебе и вопрос».

– Вопрос следующий, – продолжил Николай Иванович. – Какая помощь вам от нас нужна?

– Помощь? – переспросил Шевалдин.

И улыбнулся удовлетворённо.

– Вот это деловой подход! Никаких, понимаете ли, лишних вопросов. Только один и по существу. Хорошо, Николай Иванович...

Он показал на сидевшего напротив него высокого, спортивного сложения сотрудника УССМ.

– Пётр Владимирович...

Тот мгновенно вскочил с места и замер, вытянув руки по швам. Видно было, что сотрудник этот – служака до мозга костей.

Дорогой штатский костюм, пошитый из английской ткани светло-серого оттенка Royal grey сидел на нём как влитой, без единой складки. Пошитый явно под заказ и у хорошего портного, костюм этот выглядел при этом вовсе не партикулярно. Походил он скорее на ладно сделанную униформу какой-то странной, неведомой, но грозной армии.

Да и пуговицы на костюме том застёгнуты были на военный манер: все до одной, сверху донизу. Ни единой свободной петли.

Шевалдин представил вскочившего:

– Пётр Владимирович Ратманов – руководитель одной из наших наиболее эффективных оперативных групп. Полковник, опытный оперативник. Один из наиболее грамотных наших сотрудников. Пётр Владимирович, расскажите коротко о своих... подопечных. Чтобы наши коллеги из ФСО лучше могли представить себе уровень тех задач, которые вы решаете.

Ратманов едва заметно кивнул и начал говорить короткими, отрывистыми фразами:

– Оперативная группа под моим командованием состоит из пяти бойцов и одного штатского сотрудника УССМ. Бойцы в настоящее время заканчивают курс специальной подготовки на одном из объектов нашего управления. Специализация группы: диверсионные операции

на территории противника, контртеррористические акции, точечные удары, особые разведывательные операции. Особенности группы: самоотверженность, абсолютная преданность интересам России, высочайший уровень профессиональной подготовки. Группа прошла обучение по особой, специальной методике, разработанной специалистами управления. В настоящее время планируется использование группы для операции особой важности на территории зарубежного государства, действия которого представляют угрозу для национальных интересов России.

Ратманов замолчал и посмотрел вопросительно на Шевалдина.

– Хорошо, Пётр Владимирович, – удовлетворённо произнёс генерал. – Садитесь.

Ратманов сел с той же быстротой, с какой и вскакивал.

«Ванька-встанька» с неодобрением подумал Сомов.

Офицер этот почему-то с первого взгляда ему не понравился.

– Понятно, Николай Иванович? – с нескрываемой иронией спросил Шевалдин.

«Издеваются тут над нами, что ли?» с раздражением подумал Сомов. «Собрались для серьёзного разговора, сами же просили о встрече. Настоятельно просили, чуть ли не через Кремль давили. А сами? Какие-то мутные, непонятные, общие разговоры! Одни намёки да речёвки о „преданных интересам России“ сотрудниках. Как на митинге, честное слово! Леонтьев, случайно, не в их управлении состоит? Борцы с врагами народа, мать их! Смешно! Или они специально туману напускают? Щупают нас потихоньку? Тогда давайте, валяйте... Нас щупать бесполезно, мы – народец твёрдый, проверенный».

– Ничего не понятно! – решительно заявил Сомов. – Вы уж простите, товарищ генерал...

«Вот так, официально! Пусть дистанцию почувствует. А то, как я посмотрю, вы очень высокого мнения о себе. „Особые, специальные...“ Панибратство тут затеяли, скоро по плечу хлопать будете. Нет уж, давайте... как положено».

– Из всего сказанного понятно только то, что вы проводите или готовитесь проводить, – продолжал Сомов, – какие-то операции, вероятнее всего, диверсионные, за пределами России. Дело, возможно, хорошее и нужное. Уж не знаю, дублируете ли вы какие-либо подразделения ГРУ или ФСБ, и не знаю, насколько специфичны именно ваши задачи...

Шевалдину такая речь явно не понравилась. Лицо его вытянулось и помрачнело.

– Это, скажем так, не моё дело, – чуть повысил голос Сомов. – Понимаю, что, коли уж вы работаете с информацией не просто секретной, а особой важности, никаких деталей и подробностей я от вас не получу. Да и не хотелось бы получать! Прошу объяснить мне только одно: что вам нужно от нас и почему именно от нас? Вы же не хуже меня понимаете, что ФСО за границей не работает, оборонные вопросы не решает...

Шевалдин поднял руку, призывая Сомова остановиться. Тот замолчал. И взгляд его из недоумённого стал явно настороженным.

«И авторитетом не дави!» подумал Сомов. «У нас у самих авторитетов – девать некуда».

– Всё мы вам, конечно, не расскажем, – подтвердил Шевалдин, снова выдержав томительную паузу. – Но кое-какую важную информацию передадим. Потому что действительно нуждаемся в вашей помощи. Полковник Ратманов сообщил вам об операции на территории зарубежного государства. Это государство – одно из сопредельных с Россией. Более того, это государство СНГ. Более того, это Украина. Как вы знаете, политика этого государства, все эти его...

Шевалдин поморщился.

– ...Реврансы в сторону НАТО, решения о выводе Черноморского флота России из Севастополя, бандеровские романсы и прочая откровенно антироссийская политика... В общем, очевидно, что Украина в НАТО – это для нас недопустимо. Абсолютно! С учётом того, что балтийские страны уже в НАТО, картинка вырисовывается неприятная. А именно: полный охват с флангов европейской части России. То есть именно той территории, где нахо-

дятся основные центры управления государством, проживает большая часть населения, расположены крупные предприятия и основные транспортные узлы. Не говорю, конечно, о большой войне... Хотя жизнь – штука сложная. Когда-то и в нападение Гитлера не верили, а он ведь, зараза, тоже европеец был. Цивилизатор-прогрессист, не хуже нынешних. Наверное, ирод, тоже гуманистом себя считал! Так вот...

Шевалдин вздохнул, переводя дух.

– Так вот, ситуация не просто сложная. Критическая! Если твой дом с двух сторон окружён окопами, а соседи возами закупают оружие, то в миролюбие их верится как-то с трудом. Какие бы песни они не пели... Нас загнали в угол. И спасёт нас только одно: масштабный политический кризис на Украине. А произойдёт он только тогда, когда с главным «помаранчевым» случится что-то нехорошее. Совсем нехорошее. Божья кара, так сказать. Внезапный сердечный приступ на очередной встрече с передовыми селянами, к примеру. Или, скажем, нападение экстремистов из какой-нибудь «западенской» ультранационалистической, или, наоборот, восточно-украинской террористической организации. Горячие головы ведь и на одном берегу Днепра есть, и на другом. У него ведь и с теми, и с другими могут быть конфликты. А экстремисты на то и экстремисты, что всем прочим способам разрешения конфликтов предпочитают силовой. Что уж с отморожков взять! Так что...

– Вы и такое умеете организовывать? – с нескрываемым удивлением воскликнул Сомов.

Его, опытного сотрудника, кадрового гебиста, допущенного к наисекретнейшим сведениям, знающего многие тайны из числа тех, что способны перевернуть сознание не только простого обывателя, но и любого, даже самого информированного политолога – слова Шевалдина не просто поразили, а ошеломили до крайности, припечатали к стулу, раздавили опасной своей, непереносимой откровенностью.

«Если только...»

Если только это не провокация.

«Неужели они действительно затеяли – такое? Это же!.. Впрочем, бывает и не такое. Цареубийство не вчера придумали. „Апоплексические удары“ не с одним только Павлом Первым случались. Бывало...»

– Умеем, – с широкой, наигранно-простодушной улыбкой ответил Шевалдин. – Мы многое можем. Многое умеем организовывать. Да вот проблема одна есть – операции такого уровня нам ещё не приходилось осуществлять...

«Ещё бы!» подумал Сомов. «Едва ли в мире можно найти спецслужбу, которая могла бы операции такого уровня организовывать. Это не в банановой республике местного вожда придавить. Это в крупном да ещё и сопредельном государстве... Да нет, они что, серьёзно?!»

– Для проведения операции задействовано несколько групп, в том числе и группа Ратманова, – пояснил Михаил Николаевич. – Комплексная подготовка, сразу по нескольким направлениям. Сами понимаете, одного несчастного случая мало. Нужны ещё и беспорядки на улице, пара нападений на государственные учреждения, всплеск уличной преступности. Полный набор, так сказать. Но вот группа Ратманова будет у нас на острие! На особом положении. И вот этим-то ребятам у нужно оказать помощь в боевой подготовке.

– То есть? – переспросил Сомов. – На полигон вывезти? Инструкторов подключить?

Хотелось бы ему верить, что только это от него и потребуется. Но понимал он прекрасно, что всё не так просто.

– Спасибо, Николай Иванович, – ответил Шевалдин. – Спасибо, что так быстро откликаетесь на нашу просьбу. Но... Помощь нам нужна другого рода. В рамках боевой подготовки группы Ратманова нашими специалистами подготовлен план учений под кодовым названием «Лабиринт». Цель учений – отработка приёмов проникновения в особо охраняемые помещения и выхода на защищаемый объект. Под объектом мы понимаем важного государственного чиновника, охраной которого занимается высококвалифицированная спецслужба.

Обычно такие задачи решают террористы, а не работники спецслужб, так что среди оперативников людей с опытом подобного рода немного. Совсем немного. Но ваша служба – другое дело. Вы защищаете высшее руководство страны, стало быть, отрабатываете и варианты проникновения. Если антитеррористическую технологию развернуть наоборот, то получится высокоэффективная террористическая. Или диверсионная. И с вашей помощью мы надеемся решить два вопроса. Первый – чисто технический. Поработайте вместе с полковником Ратмановым над планом учений. Полагаю, у него есть некоторые вопросы, которые он с вашей помощью сможет решить. И второй вопрос... Собственно, сами учения. Через неделю...

Шевалдин скосил взгляд на листок бумаги.

– Да, через неделю начнётся съезд партии «Единая Россия». Оперативник из группы Ратманова по плану учений должен будет пройти через все ваши линии обороны и оказаться в определённой точке здания. Мы передадим вам план здания с соответствующей отметкой. На точке наш человек «бросит флажок». Ну, скажем, обнимется с каким-нибудь делегатом. И постарается уйти, если вы ему, конечно, позволите. Маршрут оперативника, уж извините, будет вам неизвестен. И бойцов своих, работающих, так сказать, «в поле» вы об учениях не известите. Ничего им не скажете! Учения будут в самой настоящей боевой обстановке. Оперативник наш будет без оружия. Можете лично его обыскать. Здание будет под полным вашим контролем. Наших людей внутри здания не будет вообще. Наш человек – в вашей власти. Попробуйте его остановить. Заодно и вашу систему проверите. Это ведь не с газетными террористами бороться и не с пацанами из НБП. Мы – противник серьёзный!

Шевалдин улыбнулся и остальные сотрудники УССМ, поддерживая начальника, дружно закивали головами и стали обмениваться понимающими и многозначительными улыбками.

Чем вывели Сомова из себя.

«Противники... В поле решили сыграть? Не доросли ещё!»

– Без оружия... – медленно, словно сквозь зубы процеживая слова, произнёс Сомов.

И покачал головой в задумчивости. Посмотрел искоса на сидевшего в молчании бледного от волнения полковника Вишнякова.

– Без оружия... Михаил Николаевич, а ведь не вчера на свет родился. И знаю, что может сделать подготовленный боец голыми руками. Вы хотите, чтобы я на охраняемую территорию головореза запустил?

– Не головореза! – резко ответил Шевалдин.

Его сотрудники сразу перестали улыбаться и помрачнели.

– Нашего оперативника, – жёстким тоном произнёс Шевалдин. – Нашего проверенного, кадрового сотрудника. Человека, которому доверяем мы. А нам доверяет высшее руководство страны!

– Нам тоже доверяет, – парировал Сомов. – А сотрудник, как вы справедливо заметили, ваш, а не наш. И не в холле он будет крутиться, а постарается выйти напрямиком к президиуму. Я должен вам в этом помочь?

– Так остановите его! – воскликнул Шевалдин. – Это и есть ваша задача. Поставьте себя на место террориста. Изложите полковнику Ратманову ваш вариант выхода на цель. И уж этот вариант будет вам точно известен. А мы, со своей стороны или забракуют его, или используем. Мы назовём вам контрольную точку, передадим фотографию нашего человека. Если хотите, даже познакомим с ним. Считайте, что передадим вам детальную информацию о готовящемся покушении. О том, что это учения будете знать только вы двое и ваш непосредственный руководитель. Остальным бойцам можете дать любые нужные вам вводные. День и час начала учений будет вам известен. Уверяю вас, что высших руководителей страны в это время в здании не будет. Да вы и сами сможете это проверить. Так что всё продумано, Николай Иванович, всё безопасно. И согласовано...

Шевалдин откинулся в кресле и пальцем показал на потолок.

– Там! На самом верху! Иначе мы вообще не стали бы ни о чём с вами разговаривать. Тишина после слов Шевалдина всем показалась особенно тягостной.

Первым нарушил молчание Сомов.

– Есть распоряжение руководства оказать вам поддержку, – немного охрипшим голосом произнёс он. – Какого рода поддержку – не уточнялось. У меня не было детальных указаний... Могу это объяснить чрезвычайным режимом секретности. Иных объяснений искать мне бы не хотелось...

«Нехорошо ты говоришь, генерал» подумал Шевалдин.

Желваки заиграли на его щеках.

– Принимая во внимание эти обстоятельства, – продолжал Сомов, – ответ будет следующий: мне нужны сутки на согласование вопроса. Завтра не позднее...

Он посмотрел на часы.

– ...Шестнадцати сорока я дам ответ. Всё!

– Вы получите подтверждение, – уверенно произнёс Шевалдин.

И ровным, спокойным голосом повторил:

– Получите.

Через час, выходя из неприметного серого здания на окраине Москвы, где и проходило совещание руководства УССМ, генерал Сомов сказал Вишнякову, понизив голос:

– Вот что... То, что они там наговорили про Украину и всё прочее... Окопы эти с двух сторон... В общем, забудь и не вспоминай. Возможно, разводка всё это. Или значимость свою хотят раздуть. Или просто легенда прикрытия... До сих пор, правда, не пойму, что же они на самом деле прикрывают.

Чёрный, тонированный до непроглядной темноты, «Мерседес Гелендваген» подъехал к подъезду и выскочивший из кабины офицер сопровождения проворно открыл перед начальством двери.

– А номерок-то ты сменил, – с улыбкой заметил, повернувшись к генералу, Вишняков. – Номер-то у машины не козырный теперь. Гаишники не остановят?

– Не остановят, если не дураки, – сердито буркнул в ответ Сомов. – Ты же видишь, какие они конспираторы? Устроились так, что со стороны и не заметишь. Так чего с нашими номерами ЕКХ тут светиться? Тем более, что мы ездим теперь не как хотим, а как прикажут. Допрыгались...

– А помогать им будем? – осторожно уточнил Вишняков.

Николай Иванович тяжело вздохнул и, не скрывая досады, ответил:

– Боюсь, придётся. Какие сказки они там, наверху, наплели про борьбу с врагами – не знаю. Но начальство нам руки выкрутит, это точно! Но ты смотри... Затребууй у них всю информацию, постоянно мне докладывай. И бойца их непременно подлови и обработай по полной программе. Будет у нас повод их...

Сомов вдруг осёкся, замер и подозрительно осмотрел козырёк над подъездом.

– Едем! – коротко скомандовал он.

И фразу завершил лишь в машине, едва отъехали они подальше от скромного и неприметного на вид, но такого опасного здания.

– ...Повод у нас будет башкой в дерьмо окунуть это УССМ. Глядишь, отпадёт у них охота нас в авантюры втягивать!

Полковник Вишняков кивнул в ответ и по-военному чётко ответил:

– Есть подловить!

На душе у него стало радостно и спокойно.

Теперь политика командования по отношению к этим мутным ребятам из УССМ была ему совершенно ясна.

«Доклад службы контроля периметра.

На улице «гости» продолжили обсуждение тем, затронутых на совещании.

Объект «один-один» высказал негативное отношение к легенде УССМ, разработанной в рамках реализации плана учений «Лабиринт».

...видеофайл «выход-запись 0124» прилагается...»

– Пить хочу!

Петя потянулся к запотевшей банке с «кока-колой», извлечённой мамой из сумки-холодильника, но Алина погрозила ему пальцем и отвела его руку в сторону от призывно красневшей, покрытой не оттаявшим ещё инеем жестянки.

– Кому сказала! Холодная! Простудиться хочешь?

– Хочу! – упрямо стоял на своём пятилетний деспот. – Хочу простудиться! Хочу пить!

Он открыл рот и показал язык.

– Вот! Сухо. Вредина, дай попить!

– Ты как с матерью разговариваешь?! – возмутилась Алина. – Борис, ты слышишь? Слышишь, как он с родителями разговаривает?

Сидевший за рулём отец заметил меланхолично:

– Не вообще с родителями, а конкретно с тобой.

Машина спокойным, размеренным ходом ехала по чёрному, похожему на застывшую смоляную реку шоссе, протянувшегося вдоль дикого пляжа на краю белой от полдневного жара аравийской пустыни.

Бориса разморила жара, от которой едва спасал включённый на полную мощность кондиционер.

Иногда Борис начинал клевать носом, с трудом удерживая себя от губительного в дороге сна, и едва разбирая слова жены.

И, даже разобрав, отвечал иногда невпопад.

– Что? Ты так?! – пуще прежнего разозлилась Алина. – Так ты мне помогаешь ребёнка воспитывать? Сам уткнётся то в компьютер, то в газету, то вообще на месяц пропадёт, а возись тут с этим...

Петя, подпрыгнув, вцепился-таки в банку с проворством мелкого, настырного хищника и радостно зашипел.

Однако тут же получил увесистый шлепок от матери и, всхлипнув, обиженно забился в угол.

– ...Оглоедом! – закончила фразу Алина. – А тебе и дела нет!

– Я машину веду, – с прежней полусонной меланхолией ответил Борис. – Мне отвлекаться нельзя.

– Тут других машин нет! – заявила Алина.

И тут же опровергая её слова, из-за поворота, огибавшего насыпанный затяжными пустынными ветрами длинный бархан, выскочил серебристый «Лендкрузер» и, отчаянно сигналивая, проскочил мимо их вильнувшего от неожиданности «Мерседеса».

– Вот! – сказал Борис, вытирая со лба проступивший от волнения пот. – Видала, как тут ездят некоторые? Угробят ведь – в одно касание!

– Па-а-п! – улучив момент, плаксиво затянул Петя. – А чего она мне ещё и пить не даёт?

– Не она, а мама! – присоединился, наконец, к воспитательному процессу отец.

И подрулил ближе к обочине.

– Сейчас я найду место, – сообщил семье Борис, – мы остановимся и все дружно и спокойно попьём. Немного отдохнём и поедем дальше.

– И нечего было в такую даль забираться, – добавила от себя Алина. – Городские пляжи ему, видите ли, не нравятся! Свой особняк с видом на набережную, так нет же – потащил ребёнка чёрт знает куда. Экзотика тут, видите ли! Верблюдов он не видел!

– Теперь тебе и верблюды не нравятся, – тихо произнёс Борис, явно стараясь не втягиваться в спор с супругой.

Он остановил машину на широкой обочине в месте, где дорога особенно близко подходила к морю.

Выключил кондиционер. Заглушил двигатель и, с наслаждением потянувшись, сказал:

– Всё! Отдыхаем десять минут. Вы пейте, можете даже перекусить, а папа погуляет у моря, подышит свежим воздухом...

– Я ещё «пи-пи» хочу! – заявил Петя.

– Мама, отведи ребёнка в тихое место, – посоветовал Алине супруг. – Он не должен это сделать на кожаные сиденья!

Алина довольно резко схватила захныкавшего ребёнка за руку и, вытащив из машины, повела к морю.

– А дверь кто будет закрывать? – спросил Борис.

Жена ему не ответила.

Тогда он сам, перегнувшись через сиденье, прикрыл дверь. Потом закрыл глаза и сидел так с полминуты, приходя в себя.

«Нет подышать свежим морским воздухом. Очень свежим и очень морским! В сон тянет... Невозможно! Какие-то блики перед глазами, пелена. Словно сквозь туман едешь. Пойду, пойду гулять!»

Минуты три он бродил вдоль берега моря, рассматривая выброшенные прибоем разноцветные ракушки.

«Сотворит же природа! И жёлтые тут с коричневыми линиями, и даже вон оранжевая одна. И с красной каймой... Интересно, как так...»

– Мы в машине будем! – крикнула ему Алина, возвращавшаяся с сыном после короткой прогулки.

Борис быстро закивал в ответ.

– Я скоро! И дай ему, наконец, попить!

«...греется... сейчас» услышал он.

Часть фразы ветер унёс в сторону.

Борис посмотрел на часы. Три часа пополудни. Самое пекло.

Он смочил руку, погладив волну, и приложил ладонь ко лбу.

«Долго здесь стоять нельзя. Солнечный удар схвачу».

И едва он повернулся, чтобы пойти к машине, как услышал мелодичную, протяжную трель звонка. Только один абонент в адресной книге его мобильного получил такую соловьиновую мелодию. Только один... И его звонка Борис не ждал.

«Куда торопится? Сначала Осипов должен отзвониться».

Он вынул телефон из заднего кармана брюк, посмотрел на экран...

«Точно, Гриша на проводе. Какого чёрта?»

Нажал на кнопку приёма звонка и сухо ответил:

– Слушаю.

– А, слушаешь! – металлически зазвенев мембраной, взорвалась криком трубка.

Выкрик был такой резкий, что Борис даже на мгновение отодвинул телефон подальше от уха и брезгливо поморщился.

«Очередная истерика... Отдохнуть не даёт, зануда!»

– Слушаешь, Боря?! Молодец. Тогда слушай внимательно. Это Сахновский!

– Какой сюрприз! – Борис не скрывал сарказм и недовольство. – Давно, Григорий, тебя не слышал. Ты мне целую неделю не звонил. Я уже начал надеяться, что ты мне предоставишь возможность спокойно сделку подготовить...

– Какую сделку?

Сахновский явно сбавил обороты, и тон его был уже не таким агрессивным. И тем явственней в голосе его слышалось не беспокойство даже – паника.

– Какую сделку? Это ты будешь спрашивать, Климович? До тебя новости не доходят! Ничего не знаешь!

Боря забеспокоился.

– А что я должен знать? Всё по плану...

– Со вчерашнего дня нет никакого плана! – отрезал Сахновский. – И сделки нет! Осипова убрали...

– Что? – переспросил Борис. – Его... Как это?

– Как обычно в таких случаях, – почти спокойным голосом, в котором лишь едва слышался лёгкий отзвук недавней истерики, ответил Сахновский. – Свинцом в башку. Похитили портфель, мобильный, портмоне.

– Ограбление? – с надеждой в голосе предположил Борис.

– Чёрта с два! – снова взорвался Сахновский. – Климович, ты плохо соображать стал в последнее время. И не обижайся на правду! Плохо!

Последняя вспышка гнева была совсем короткой. Сахновский замолчал, тяжело дыша в трубку.

– Объясни всё спокойно, по порядку, – едва сдерживая раздражение, произнёс Борис. – Где его убрали? Как? Кто именно?

– Я мало что знаю, – ответил Сахновский. – Сначала расследованием менты занимались, а сегодня все материалы у них забрали в ФСБ. У меня там есть информатор... Но фээсбешники явно не в курсе! Они сами понять не могут, ко мне обращались! Представляешь? Кто сработал – ни хрена понять не могу! Моя служба безопасности землю роет – никаких следов. Никаких! У нас же крыша до администрации президента растёт, мы бы раскопали всё, что можно. А тут – глухарь! Ни уголовник, ни менты, ни чекисты... Башка кругом идёт!

– Как это случилось? – повторил вопрос Борис. – Когда?

– Вчера...

Сахновский захрипел и закашлял, подавившись слюной. От неожиданного хрипа его Борис невольно вздрогнул. И стало почему-то холодно.

– Вчера его уложили. Он на переговоры приехал, встречался с Семенко, директором института. Должны были установить срок передачи документации. Там оригиналы уходили, не копии! Мы с чекистами всё согласовали, и их долю заложили...

– Я помню, – тихим голосом откликнулся Борис. – Продолжай, Гриша, не уходи в сторону.

– В институте его и отследили, – срывающимся голосом продолжал Сахновский. – И как отследили! Едва от директора вышел... Вместе с телохранителем! Там ещё какой-то свидетель есть, да он ничего вспомнить не может. Его так башкой об пол приложили, что всё из головы вылетело.

– Следили, стало быть, – прошептал Борис.

– Следили! – охотно подхватил Сахновский. – Шаг за шагом вели. И убрали именно в институте! Чтобы директора запугать и замазать. У Семенко с сердцем плохо, в больницу лёг. В несознанку ушёл, от всего отказывается. Никакой сделки, дескать! Ничего не знаю! Боря, родной...

Сахновский всхлипнул.

«Когда это я тебе родным стал?» удивлённо подумал Климович.

– ...Нас же отстреливают! Это же охота, Боря!

«Типун тебе!..»

– Успокойся ты, – сказал Борис. – Хватит паниковать! На нас охотиться – себе дороже.

В этой сделке такие люди засвечены...

– Плевать они хотели на людей! – прервал его Сахновский. – Если они на это пошли, то не боятся они ни нас, ни чекистов, ни Игоря из администрации. Никого! У них свои хозяева. И, главное... Кто они?! Откуда вылезли?

И, мгновенно меняя тему, тут же спросил:

– Боря, где ты? Ты не в Европе ведь, правда?

«Ах ты, зараза!» возмутился Борис.

Мысленно, конечно. Он-то прекрасно понимал, по какой причине Сахновский задаёт такие провокационные вопросы.

– В хорошем, тёплом месте, – ответил Климович.

– Мы ведь не только в России дорогу перебежали, – обеспокоенным тоном продолжал Сахновский. – Покупатели... они ведь и Штатам поперёк горла стоят.

– Якуб сказал – хорошие люди, – уверенно произнёс Борис.

– Провокатор он, твой Якуб! – опять завёлся Сахновский. – Может, он на американцев работает? Или на двух хозяев сразу? Или от нас захотел избавиться, потому и втянул в эту стрёмную сделку?! Твои хорошие люди в горах сидят, их венесуэльская полиция с фонарями ищет! А кто в Боготе такие сделки отслеживает? И кто им помогает? Боря, рви когти из своего тёплого места! Раньше для нас Россия тёплым местом была, а теперь именно здесь кто-то нас давит. А в твоём тёплом месте тебя тем более за задницу возьмут!

– А куда бежать-то? – демонстративно-равнодушным тоном произнёс Борис.

– Да уж не в Штаты и не в Россию! – ответил Сахновский. – И не в Европу, понятное дело... Один вариант у тебяб Азия. Юго-Восточная Азия, Боря! Только туда. А ещё...

– Хорошо, – сказал Борис. – Спасибо за звонок. Я подумаю...

И отключил телефон.

Процедил сквозь зубы: «провокаатор...»

И пошёл к машине.

По дороге он попробовал было придать себе выражение сонной беззаботности, потому старательно зевал и тёр якобы слипающиеся от дрёмы глаза.

Но не вышло... Жена разоблачила его игру.

– Что случилось? – спросила Алина. – Ты там с телефоном по берегу ходил. Кто звонил?

– Так, по работе, – ответил Борис, заводя машину.

– Сейчас кондиционер включим, опять прохладно станет...

– А я всю воду выпил! – похвастался Петя.

– И на здоровье! – радостно воскликнул отец. – А мы сегодня, Петькин, путешествовать поедем! Вечером и поедем!

– Куда? – забеспокоилась Алина. – Куда собрался?

– Дружно, все вместе, летим в Доминикану, – пояснил Борис. – Хватит вас пустыней мучить...

«Так я тебе и сунулся в Азию!» подумал Борис. «После твоего звонка именно там меня и ждут!»

Сахновский с минуту крутил телефонную трубку в руках, любовно поглаживая кнопки.

«Хороший ход, Григорий. Ай, какой хороший ход!»

Затем решительно и быстро набрал номер личного помощника.

– Дмитрий?

Закрыв глаза. Тихое, лесное озеро. Пристанище, убежище, защита. Там, в Штатах. Он всё объяснит, он всё расставит по местам. Он встретится с людьми из ЦРУ. Ведь этот Джексон... или как его там зовут на самом деле? Да, он точно связан с ЦРУ. Ведь он их предупреждение передавал.

Или это какая-то другая спецслужба? Да чёрт с ним! Какая разница?

Послезавтра, не позже, надо быть в Штатах. Выйти на Джексона. Объяснить ему, растолковать, доказать, в конце концов, что не имеет он никакого отношения к этой проклятой, губящей их сделке.

И пусть он доведёт эту информацию до своих хозяев. И срочно!

«Уж я-то знаю, откуда ноги растут. Это ваша туземная гвардия в России начала отстреливать тех, кто перешёл дорогу белым сахибам. Но я-то не занимаюсь политикой! Я вам не враг, поймите вы это!»

– Слушаю, Григорий Константинович, – подал голос секретарь. – Вы на связи? Разъединили, что ли...

«Задумался я что-то...»

– На связи, Дмитрий, на связи. Ты это... вот что... Слушай внимательно!

Сахновский посмотрел на экран стоявшего на письменном столе электронного календаря.

– Завтра к полудню – билет в Нью-Йорк. Рейс на послезавтра. Любой авиакомпанией, через любой транзитный аэропорт и за любые деньги, но на послезавтра. И не позже одиннадцати билет должен быть у меня на столе, в офисе. Можешь воспользоваться корпоративной кредиткой. Не справишься – в порошок сотру! Понял?

Сахновскому отчего-то показалось, что слушавший его указания помощник иронично и весьма дерзко улыбнулся. Конечно, помощник был на другом конце Москвы, и увидеть его непочтительную улыбку Сахновский никак не могу. Да и почувствовать, наверное, никак не мог, поскольку от рождения не обладал никакими экстрасенсорными способностями.

С каких это пор развилась такая чувствительность?

Однако же, странно...

«Что, страху моему радуешься?» с раздражением подумал Сахновский.

– Понял, я спрашиваю?!

– Да, разумеется, Григорий Константинович, – поспешно ответил помощник. – Всё будет точно в срок! К одиннадцати ноль-ноль. Не сомневайтесь!

Сахновский отключил мобильный. И, не сдерживая уже эмоций, бросил телефон на пол. Только благодаря пушистому, толстому ковру, расстеленному на полу кабинета, тонкий пластиковый корпус не раскололся.

«Успокоиться... Вырваться...»

– Беги, Боря, – прошептал Сахновский, закрыв глаза. – Беги, родной... Чем больше ты будешь бегать и метаться, тем больше внимания к себе привлечёшь. Именно это от тебя и требуется. Тяни время. Прыгай как заяц. Путай следы. Уводи охотников за собой. Дай мне время оправдаться... А там и подыхай!

Сахновский открыл глаза. Резким движением выпрямил спину, едва удержав равновесие в закачавшемся кресле.

И громко уже, с неприкрытой ненавистью произнёс:

– Подыхай!

В кабинете полумрак. Тени плывут по стенам. Тени читают названия и имена, напечатанные на обложках книг. Золотистые буквы на синем фоне. Синий сафьян. Тени медленно плывут по стенам, по дубовым панелям стен. Бесшумно.

Тени читают, но не вслух. И не видно их шевелящихся губ.

Тяжёлые, старомодного плюша бордовые шторы не запахнуты до конца. Тонкая полоска освещена закатом.

Солнце – перезрелый помидор, раздувшимся красно-багровым шаром висит над оранжевыми крышами, будто готовясь сорваться с вечернего неба.

И над едва видимыми сквозь мутное стекло верхушками деревьев больничного парка плывёт, поднимаясь вверх от разогретой земли, летнее туманное марево.

В кабинете полумрак. Стучат размеренно напольные часы. В резных узорах их деревянного корпуса застревают частички времени.

Мелкие песчинки. Пылинки.

Прах.

«Вот и моё время останется здесь...»

В этом кабинете, в этих часах, в этом воздухе.

Пылью осядет на стенах, серой пылью осядет на шторах. Смятыми листками, вырванными из записной книжки, рассыплется по столу.

«Оно не уйдёт отсюда, даже если мне удастся уйти. Время заперто вместе со мною в этих стенах. Оно исчезнет вместе с этим странным, забытым, затерянным в подмосковной глуши зданием. Оно останется под охраной, под присмотром, под надзором. Моё время, мои мысли, моя боль. Пыль, частички моей кожи, прах мой... Мои воспоминания... Я оставлю их здесь!»

Приют для больных. Последнее пристанище для изгоев.

Колыбель новой революции!

Балицкий открыл и включил ноутбук. Дождался загрузки и запустил программу воспроизведения аудиофайлов.

Набрал пароль. Нажал на кнопку Enter.

Нашёл в открывшемся меня файл «Марк – 19 июля».

Из динамиков ноутбука зазвучал глухой, с лёгкой простудной хрипотцой, голос больного.

«Зырянов Дмитрий Данилович. Одна тысяча девятьсот семидесятого года рождения. Осуждён за убийство соседа по дачному участку, и ещё пассажира электрички, и ещё мать прикончил. Она сама просила...»

Кашель.

«...Экспертизой признан душевнобольным. Назначено принудительное лечение. В больнице закрытого типа. Ну, конечно, не в этой больнице. Сюда меня перевели. Потому что я избранный. Меня избрали и перевели. Я теперь особенный... Нет, конечно, не теперь особенный, а всегда таким был! Вот только теперь я это осознал, а раньше не осознавал. Не хватало времени, чтобы осознать. И обстановка была неподходящей. А здесь хорошо! Люди хорошие...»

Кашель. Смачный плевок.

«Извините, доктор. Что-то нехорошо мне после вашего лекарства. А вот то, в капсулах, тоже принимать? Лис говорит, что это наркотик... Зачем мне наркотик? Я же и так псих! Думаете, если совсем свихнусь, то стану здоровым? Впрочем, вам видней. Вы бог, по глазам вижу. Бог! Боженька, точно говорю! У вас глаза – как у меня. Точно, точно... Я бы тоже мог богом стать, да не вышло. Образование у меня – профтехучилище да автомастерская. Для бога маловато... А вы, говорят, институт закончили. Труды всякие научные писали. Степень у вас... И английским владеете, и французским. А на рояле играете? Нет? А почему? Надо играть, доктор, надо! Бог должен на рояле играть! Так в святом писании сказано!»

Хрип.

«С лёгкими беда. Дышат так хорошо, что я замучился. Очень хорошо у меня лёгкие дышат. И бегать всё время хочется. А где тут бегать? Нас на полигон повезут? Я занятия по стрельбе люблю...»

Пауза.

«Доктор, а зачем я вам всё это рассказываю? Ну, про убийства, приговор... Вы же всё знаете. Дело моё читали. Я ведь псих, да не дурак. Всё понимаю... Вы уже в который раз заставляете меня всё это рассказывать! Зачем? Чтобы я помнил, не забывал – кто я такой? Помнил, что я давно уже в отбросы списан и назад мне дороги нет? Так я это помню, не сомневайтесь!»

Пауза.

«Как я их убивал? Обыкновенно... Матери отвёртку в ухо сунул. Я же автомастер, у меня дома с инструментами порядок. Соседу пилой-болгаркой по горлу проехал. Хмыря того в электричке забил до смерти. В тамбуре. Кровищи там было... Эх, хорошо на воле было! Разговариваешь, общаешься. Да и тут неплохо... У меня собака на даче осталась. Когда за счастье бороться будем, за новый мир? Я ведь людей люблю. А собак – так сердце пронзает! Доктор, может, перестать мне разговаривать? Хватит на сегодня... Мысли у меня путаются... Не надо мне эту микстуру подсовывать, я вам и так всё расскажу. Связно, красиво... Я умею анекдоты рассказывать, и книги читаю... Элизиум – слово какое хорошее! Это я в вашей книжке прочитал...»

Конец записи.

«Странно» подумал Балицкий. «Им всем так хочется бороться за счастье... Интересно, а пациенты доктора Губера тоже хотели всех осчастливить? Или это только мои подопечные такие альтруисты?»

Он достал из ящика письменного стола микрофон, подключил его к ноутбуку и, активировав функцию записи, надиктовал:

«Шестнадцатое августа. Лис находит кроличьи норы. Впечатляющие успехи! Инструктор по боевой подготовке просто поражён его необыкновенными способностями, а ведь ещё полгода назад он весьма скептически оценивал диверсионный потенциал душителя.

Мои пациенты...»

Он остановил запись.

«Нет, эту информация я не оставлю на компьютере. Я слишком хорошо знаю моих покровителей. Они проверяют все мои записи. Я ещё ни разу не поймал их за руку, однако уверен в том, что они регулярно проводят обыски в моём кабинете. Возможно, в этих вот дубовых панелях скрыты микрофоны и видеокамеры. От этих людей всего можно ожидать! И в первую очередь – слежки! Нет, до срока вы не узнаете самой сокровенной моей тайны. Мои больные – авангард нового революционного класса России. Вершители ваших судеб! Да вы... Всё равно вы ничего не поймёте!»

Он снова включил запись и договорил фразу:

«...полностью готовы к работе по плану «Лабиринт».

На сегодня – всё. Ужин, ванна и сон».

Он отсоединил микрофон и спрятал его в ящик стола.

Встал. Заложив руки за спину, медленно прошёлся по кабинету, от стены к стене.

Остановившись у книжного шкафа, смотрел он долго, сонным, будто ничего не видящим взглядом, на сине-золотистые корешки книг, на резной орнамент массивных полок чёрного дерева, на едва отсвечивающую в предзакатном полумраке красную декоративную полосу полированной меди, протянувшуюся по средней полке во всю её ширь.

Потом протянул руку, пальцами пробежал по корешкам, словно на ощупь выискивая одну, ту самую книгу...

Хотя нашёл бы её безо всякого труда, с первого взгляда определив место её на полке! Но теперь – будто вслепую искал.

...вынул аккуратным, медленным движением.

Карл Юнг, «Структура души».

Балицкий открыл книгу, перелистал страницы.

Закрыв книгу, процитировал заученное наизусть:

«Сознательный ум – это эфемерный феномен, который выполняет все провизорные адаптации и ориентации, и по этой причине его функцию лучше всего сравнить с ориентировкой в пространстве».

Усмехнулся грустно, и, погладив ладонью обложку, прошептал:

«Ну, старина Юнг, какие же древние чудовища пробуждаются в моём сознании? Куда завёл меня мой эфемерный феномен?»

Он услышал тихий стук. Не робкий, а, скорее, осторожный. Будто тот, кто стоял за дверью, не желая нарушить установленный порядок и войти без стука, не хотел, тем не менее, и встревожить его, вспугнуть прежде времени.

«Тигры на мягких лапах» с грустной иронией подумал Балицкий. «Надеются, что когда-нибудь я потеряю бдительность, забудусь – и пропущу их бросок?»

Быстрым движением он захлопнул книгу и поставил её на полку. Он успел это сделать прежде, чем дверь бесшумно открылась и в комнату вошла его ассистентка.

– Извините, доктор, не хотела вас беспокоить...

Балицкий медленно повернулся к ней и ровным, бесцветным голосом произнёс:

– И побеспокоили. Не надо извиняться, Наталья Петровна.

«Ей тридцать пять. На тринадцать лет младше меня. Я называю её – Наталья Петровна. Так официально... У неё светлые волосы, голубые глаза и красивое, но какое-то строгое и отрешённое, иногда даже холодно-равнодушное лицо. Никаких эмоций... Она не прячет их. Она не играет со мной. Игру я разгадал бы... Она действительно построила стену между собой и миром. Вот только со мной она может быть откровенной. Ей хочется быть откровенной со мной, она всё время хочет поделиться со мной чем-то очень важным для неё... Тем, что не отпускает её и тем, что она сама боится отпустить на свободу. Она не может освободить себя. Она боится!»

Наталья Петровна переступила смущённо с ноги на ногу и всё не решалась нарушить затянувшееся молчание.

– Слушаю вас, – сказал Балицкий, стараясь придать своему голосу побольше мягкости. – Что-то случилось?

– Мы накрыли стол в малой гостиной комнате, – ответила Наталья Петровна. – Мы готовы подать ужин. Сегодня утка с апельсинами, ваше любимое блюдо. Французские сыры, паштеты. Ваш любимый сок – апельсиновый с добавкой лайма. Калифорнийское вино. На десерт – фруктовый салат и пирожные с заварным кремом. Кофе?

Последнее слово она произнесла с явно вопросительной интонацией и Балицкий немедленно ответил:

– Эфиопский. Помните, какая должна быть крепость?

– Слабый, слегка разбавлен сливками, – уже уверенным и чуть более громким голосом произнесла Наталья Петровна. – Коробку с сигарами подать в гостиную или вы перейдёте в курительный салон?

– В гостиную...

Балицкий осёкся и, будто заподозрив что-то, посмотрел искоса на ассистентку.

– У нас будут гости сегодня?

«Да вряд ли его гостем можно назвать» подумала Наталья Петровна. «Ведёт-то он себя как хозяин!»

– Да, Семён Сергеевич. Ратманов приехал в клинику десять минут назад. Он хочется остаться на ужин и надеется, что вы позволите ему составить вам компанию.

И с какой-то жалобной, просящей интонацией добавила:

– У него есть очень важная информация для вас. Он просил сообщить вам, что в центре совсем недавно закончилось очень важное совещание, и он хотел бы именно сегодня рассказать вам об его итогах и принятых решениях. Пётр Владимирович...

– Передайте Петру Владимировичу, – прервал её Балицкий, – что я согласен. Но его присутствие за вечерней трапезой серьёзно испортит мне настроение. Это тоже обязательно передайте!

– Да, конечно, – и Наталья Петровна склонила голову в полупоклоне. – Будут ли специальные указания для лечебного персонала?

«Чего она хочет?» забеспокоился Балицкий. «Запереть больных, чтобы они не попались на глаза Ратманову? Или Ратманов не попался им на глаза? Да без моего сопровождения и прикрытия этот жандарм и близко не подойдёт к милым моим психам! Это горе-куратор до дрожи и икоты боится того оружия, которым, как ему кажется, он безраздельно владеет. Окружил своими охранниками больницу, расставил автоматчиков по коридорам, агенты в штатском бродят по всем окрестностям. Такие силы привлёк, чтобы держать нас под контролем – а боится! Боится, гад! Никогда и никому не признается в трусости. На самом доньшке неглубокой душонки своей будет прятать страх; ни начальству, ни жене, ни детям своим, ни самому себе – никому не скажет, что боится шестерых сумасшедших и одного запертого им в чёртовой закрытой клинике психиатра! Властолюбивое ничтожество!»

– Никаких указаний на сегодня, – ответил Балицкий. – Больные на прогулке?

– В больничной парке, – подтвердила Наталья Петровна. – С ними хотели провести дополнительные занятия по рукопашному бою, но вы просили отложить это на завтра.

Доктор отвернулся и подошёл к окну.

«Как много птиц в парке! Кружат и кружат...»

– И так нагрузка слишком велика, – глухим, усталым голосом произнёс Балицкий. – Боевая подготовка завтра, после девяти. Инструкторы в курсе. В семь тридцать утра – групповая терапия. Во второй половине дня – выступление для проверяющих из Управления. Предупредите больных. Всё, Наталья Петровна, можете идти!

Он дождался, когда ассистентка закроет за собой дверь.

Снова подошёл к шкафу и достал ту самую книгу.

Быстро перелистал страницу, кончиком пальца нащупывая едва заметную метку на обрезном краешке бумаги.

И из кармашка, что образовывали два скреплённых листа, извлёк фотографию.

Он долго смотрел на пожелтевшее от времени семейное фото. Темноволосая с миндалевидными глазами женщина улыбалась ему с фотографии. Мальчишка-карапуз испуганно таращил глазёнки. И... И он сам, молодой, двадцатипятилетний – смотрел оттуда, из прошлого, далёкого прошлого на себя сегодняшнего. Смотрел с задором, с беззаботной молодой отвагой. Смотрел сквозь ставшее прозрачным время, сквозь годы и неведомые ему ещё события, смотрел и не видел себя будущего, одинокого, бесприютного, запертого в клетке, лишившегося семьи и дома.

Лишившегося сына.

Сохранившего разве только прежнюю веру в себя и свои способности.

Но...

«Прозрачность времени односторонняя. Мы видим прошлое, но прошлое не видит нас. Жаль, что...»

Нет, не себя он жалел. Он ненавидел себя!

Ведь это он сам, сам лишил себя... И загнал в эту проклятую клетку!

Спазмы сдавили ему горло.

Он погладил фотографию и прошептал:

«Прости... Прости меня, сынок!»

«Особая папка №24 / 526. Совершенно секретно.

Оригинал. Экземпляр единственный.

Запрещается копировать и / или сканировать данный документ!

При работе с документом запрещается делать выписки, ставить пометки, копировать текст полностью или частично, сканировать текст либо фрагмент текста, переписывать учётные данные документа на носитель информации, не зарегистрированный службой делопроизводства УССМ.

Ознакомление – строго по списку.

Состав оперативной группы специального назначения КПБ.

Командир группы – полковник Ратманов П. В.

Оперативный псевдоним – «Влад»

Заместитель командира группы – Балицкий С. С. (пометка: совмещение обязанностей психокорректора группы и ответственного за особую программу подготовки КПБ)

Оперативный псевдоним – «Волк»

Инструкторы по боевой подготовке:

..... (список прилагается)

Инструктор по спортивной подготовке и боевым единоборствам.

Инструктор по минно-подрывному делу.

Инструктор по оперативно-агентурной работе.

Инструктор по использованию специальных средств связи.

Боевая часть группы:

Зырянов Дмитрий Данилович. Оперативный псевдоним – «Марк».

Комарницкий Алексей Леонидович. Оперативный псевдоним – «Лис».

Лопарёв Тимофей Петрович. Оперативный псевдоним – «Вильгельм».

Скобенин Евгений Леонтьевич. Оперативный псевдоним – «Крот».

Филиппов Илья Владимирович. Оперативный псевдоним – «Марсель».

Янов Леонид Анатольевич. Оперативный псевдоним – «Санта».

Личные характеристики оперативных сотрудников боевой части группы:

Зырянов Д. Д. Одна тысяча девятьсот семидесятого года рождения. Образование среднее специальное. Работал техником в автомастерской. Холост. До 2007 года проживал с матерью по адресу: г. Москва... В ноябре 2007 года был осуждён за совершённые им в период с 29 октября по 05 ноября 2007 года убийства (с собой жестокостью) трёх человек, в т.ч. – собственной матери. Психиатрической экспертизой признан невменяемым, диагноз: «шизофрения». Помещён в психиатрическую лечебницу закрытого типа. В мае 2008 года группой поиска был направлен для исследования в подконтрольный УССМ лечебный центр. По представлению Балицкого С. С. включён в оперативную группу КПБ.

Комарницкий А. Л...»

Бродячая кошка, обиженная горькой судьбою жительница старого, неуютного московского двора, смотрела на него недоверчиво, пугливо прижав уши к покрытой серо-красными проплешинами голове.

Кошка попыталась оскалить зубы и зашипеть, но от страха и голода ни оскал, ни шипение никак не выходили, а выходило лишь слабое дрожание губ и затравленный хрип.

Кошка, конечно же, убежала бы прочь, да Бек, зайдя в глухой, с одной лишь аркой, двор перегородил ей невольно единственный путь к спасению.

– Ну, не злись, – ласково, насколько мог, сказал Бек. – Я это... кошек люблю...

Он отошёл в сторону и даже демонстративно отвернулся. Кошка, грозно похрипев напоследок, отчаянным броском кинулась в арку и быстро скрылась в темноте.

«Шустрая, зараза» одобрительно подумал Бек.

Он смотрел в темноту, в чёрный провал арки, смотрел каким-то странным, тоскливым взглядом, будто и сам хотел броситься вслед за кошкой – подальше от этого дома.

Прочь, в августовский сумрак.

Он бы смог... Одним прыжком в темноту, одним броском хищного зверя – убежать от всех этих спецзаданий, погонь и слежек, явочных квартир, засад, «флажков», закладок, от «кураторов» -надсмотрщиков, от всех этих ликвидаций, каждая из которых может оказаться последней для него, бездомного (не считать же домом съёмную квартиру!), бесприютного, давно уже вычеркнутого из нормальной, человеческой жизни киллера.

Да, киллер на службе у государства... Только что для него государство?

Государство – это полковник из управления, дожидаящийся его на явочной квартире с очередным заданием и пачкой синих купюр на оплату сопутствующих расходов?

Или государство – это генерал, который они и в глаза не видели и никогда не увидят, даже имя которого им, рядовым оперативникам, не известно?

Тот самый генерал-призрак, который, передавая им задания через цепь посредников, и руководит в реальности их действиями?

Или, может, там, в телевизоре – государство?

Да есть ли оно вообще?

Может, и государства-то никакого нет?

Работают они на какую-то богатую и влиятельную группу, которая сама себя объявила государственной структурой. А над ней – ещё одна группа, покруче и побогаче. И та тоже считает себя государственной структурой. А в стороне – ещё одна группа. Она, вроде как, тоже государственная... Так, по крайней мере, считается. Но эта группа – в стороне. Они чужие. Хоть и государственные.

Может быть, даже государство у них своё. Беку это неведомо. Он плохо разбирается в таких вещах.

Он только одного не поймёт... Их-то группа невидима. У них призраки-генералы, призраки-полковники... Он, Бек, к примеру, призрак-капитан. Бывший боец ГРУ. Теперь – призрак в штатском.

А та группа, что над ними, ну прямо над ними – эти-то на виду. Вот они в телевизоре...

Ладеев как-то сказал, что их управление – «центрального подчинения». С таким многозначительным выражением лица произнёс эту фразу!

А что, и так понятно.

Но вот они-то, в телевизоре которые, знают, что Вальтер и Бек – это их государство? Догадываются? Знают, из каких призраков их народец государственный набран?

Нет, не тот, что слева. Не тот, что справа.

А тот, что под ними. Тот, на который они опираются!

Знают? Ай, да не всё ли тебе равно, Бек!

Знают, не знают... Что за печаль?

Может, и нет никакого подчинения. И даже такого, призрачного, государства нет. Сдохло оно в девяносто первом и – ничего, ничего уже нет. Так, картонные муляжи и ещё слова, слова... Болтовня!

И привычка думать, что есть государство.

А ещё – привычка искать его везде и придумывать. Чтобы было спокойней.

Ведь с ним, наверное, спокойней. Какая-то сила там, наверху. И ты ей, должно быть, нужен для чего-то.

Власть охранительная. Власть, предержавшая зло.

Вертикаль, мать её!

А на самом деле...

Просто есть чемоданчик с деньгами и оружием. Очередная закладка. Задание и выполнение.

Банда, над ней – ещё одна банда. А они – в самой сильной банде и самой законспирированной.

А те, что в телевизоре – просто для развлечения. Они хорошие, те, в телевизоре. Говорят, генерал с ними в какой-то клуб ходит... Элитный, блин! Клуб, придумают тоже...

Бек усмехнулся.

Нет, чтобы в сауну с девками. А то придумают слов разных, намудрят, засекретят всё. А жили бы как простые, нормальные бандюки – без флагов, без гимнов, без партийных съездов и выборов, ни себе бы, ни людям мозги не канифолили. Стреляли бы помаленьку, народишко в страхе держали – было бы всё просто и понятно.

А тут крутят чего-то, тайна на тайне у них. Один уровень доступа, другой уровень доступа.. Как масоны с градусами и степенями, ей-богу! Заговор какой-то очередной, туман у них, а у Бека сердце не на месте.

С бандюками было бы проще. Понятней. Без конспирации этой накрученной. Там бы он сразу понял, когда ему ствол к затылку поднесут. Мозгов у Бека немного, да чутьё звериное – с бандитами помогает.

А с этими вот непростыми ребятами из управления – никакое чутьё не спасёт.

Когда приголубят, когда прикончат – непонятно.

Потому вот и хочется сигануть прочь отсюда. Бежать...

Да не сбежишь никуда. В смысле – некуда бежать. Деньги, что у него в кармане – от управления. Паспорт липовый – управление нарисовало. За съёмную квартиру управление платит. Одежка – и та управлением выдана.

Друзья-подельники – из управления пришли. И тоже у них – ни семей, ни домов своих. Ничего своего. Всё – управления.

Куда бежать? Где прятаться? Гольшом по улице ходить?

Одно слово – призраки. Бродячие, бесприютные.

Духи неуспокоенные.

Бек сплюнул под ноги и медленно растёр подошвой плевок. Слюна во рту стала горькой, словно после разбавленного водкой димедрола.

«Ладно, хватит стоять тут... Время...»

Он посмотрел на часы. Без пяти одиннадцать.

Надо идти. Полковник наверняка уже на месте.

Бек быстрым шагом вошёл в полутёмный подъезд (уверенно, не оглядываясь по сторонам, так, как заходят в свой дом), постоял у лифта...

Шаги. Кто идёт по двору.

...Нет, не надо на лифте. Может, это кто-то из своих (подтягиваются к назначенному времени). А, может, и нет.

С посторонними ездить в лифте Бек не любил. В таком тесном, ограниченном пространстве можно и не отследить опасное движение попутчика. Уж Бек-то знал, сколько разных фокусов можно выкинуть в таком вот пространстве. Знал он, что некоторым специалистам по тёмным делам особенно нравится в лифтах работать.

Так что без героизма обойдётся. Пусть мачо лопухие крутизну демонстрируют.

Профессионалы живут тихо, без подвигов. Им важен результат...

Короткими, но частыми шагами, едва касаясь ступенек, Бек бесшумно взбежал на четвёртый этаж. В старом доме, довоенной ещё постройки, в доме с высокими потолками и длинными лестничными пролётами до четвёртого этажа было так же трудно добраться, как в современной панельной «коробке» – этажа до шестого. Или седьмого.

Но у Бека не было одышки. Дыхание не сбилось. Было ровным, словно после короткой, спокойной прогулки.

Вот только... Ком подкатывал к горлу.

Бек остановился на площадке четвёртого этажа. Замер. Перегнувшись через перила, посмотрел вниз.

Тошнота подступила. Тяжко...

Спёртый воздух тёмного лестничного колодца наполнен запахами мочи, гниющего дерева и отсыревшей штукатурки, изъеденной плесенью.

Белые лампы дрожали внизу испуганными светляками. Белые точки в душной, душащей тьме.

Бек не любил старые дома. Зловонные, гниющие трупы.

Невыносимо... Невыносимо жить в таких.

Но приходится, приходится, чёрт бы их!..

Бек отошёл от края площадки. Повернулся.

Подошёл к двери квартиры. Дважды нажал на кнопку звонка.

Через секунду дверь открылась...

«Быстро... Ждали, наверное».

...И Бек зажмурился. Таким ярким после лестничного мрака показался ему свет в прихожей.

Он услышал голос Ладеева.

– Проходи, дорогой, не стой в дверях. Гость у нас сквозняков боится...

Ужин подавали в малой гостиной комнате, как и было заведено Балицким для тех случаев, когда не ждал он гостей.

В тот вечер гость пришёл на ужин, но был тот гость неожиданным и совсем для Балицкого нежеланным. Негативного отношения к визитёру Семён Сергеевич Балицкий не скрывал, оттого и ужин готовили по обычному распорядку, не принимая во внимание высокий, начальственный статус гостя.

Возможно, Ратманов и чувствовал себя уязвлённым где-то в глубине души (как же так! авторитет этого колдуна-психиатра, которого приютило управление после скандальной... да что скандальной – откровенно криминальной истории с незаконными опытами над людьми, оказался едва ли не выше его собственного, командирского, полковничьего, между прочим, авторитета!). Возможно, чувствовал. Но обиду запрятал так глубоко, что и опытный в чтении чужих мыслей Балицкий в глаза гостя не увидел ничего, кроме искренней, чистой, незамутнённой дурными мыслями радости от встречи со старым другом.

«Умеет притворяться» с невольным уважением подумал Балицкий. «Мастер своего дела, ничего не скажешь... Возможно, я его недооцениваю. Он куда опасней, куда умнее и злее, чем я могу себе представить. Что-то упускаю я в нём... Змея водяная, скользкий хвост!»

Ратманов зашёл в гостиную, широко распахнув руки для дружеских объятий.

– Ага! – радостно воскликнул полковник, увидев Балицкого. – А вот и наш чудо-доктор! Наш маг и волшебник! Наш Мерлин, хранитель Камелота!

Он поспешно...

«Слишком поспешно» с профессиональной точностью отметил Семён Сергеевич.

...кинулся к доктору, обнял его и с нежностью Иуды прижался к нему.

«Вот ты и попался!» с удовлетворением отметил Балицкий. «Переигрываешь, полковник. Суетишься. Напряжён, стало быть. Душа у тебя как ладошка была сжата, а теперь – открыта. Не ухватываю я тебя, змей, но вот теперь, похоже, подловлю...»

– Здравствуйте, Семён Сергеевич! Я уж неделю с вами не виделся. Признаться, скучать начал. Вы же такой чудесный собеседник! Умнейший человек! А у нас ведь бюрократия сплошная, скука серая! А тут...

Ратманов попытался покровительственно похлопать доктора по плечу, но Балицкий решительно отстранил его руку и отошёл на шаг.

– Мерлин, говорите? – спросил он полковника. – А с вашим королём Артуром меня не познакомите? Что-то не припомню, чтобы сын Пендрагона когда-либо был моим воспитанником... Или, может, у вас в управлении и благородный рыцарь Ланселот обнаружился? Вот было бы интересно!

Ратманов рассмеялся и склонил голову в шутливом полупоклоне.

– Таковых не держим, Семён Сергеевич. Начальство не позволяет. Беда с ними, с благородными рыцарями! Непредсказуемые они, шальные. Все они гуманисты поначалу, а потом или в идее разочаруются, или вдруг решат, что окружающие их люди – свиньи распоследние и никак высоким принципам служить не могут. А потом вынут меч – и давай крушить всё вокруг! Нет, с циниками проще. Ну, с Мерлином тоже, наверное, здорово...

Пётр Владимирович обошёл накрытый к ужину стол, радостно потирая руки.

– ...Вот, салатик у нас с королевскими креветками... у тут с индейкой... А основное блюдо?

– Утка, фаршированная апельсинами с кисло-сладким соусом, – пояснил помрачневший Балицкий.

– Вот здорово! Ваше любимое блюдо? Помню, помню...

Балицкий присел на диван, что стоял в дальнем углу комнаты и не обращал уже внимания на суету полковника, который отчего не спешил присесть за стол, а всё бегал по комнате, передвигая стулья и переставляя приборы на столе.

А потом, приблизившись к высоким, в старомодных деревянных рамах окнам, Ратманов посмотрел на усыпанную белыми лепестками роз садовую дорожку, на потемневшую от времени и укрытую разросшимся диким виноградом викторианскую беседку, чей смутный контур лишь едва виден был сквозь серо-туманные от вечерней росы стёкла, и, замерев на секунду, тихо произнёс:

– Я сегодня не единственный гость...

– Что? – забеспокоился Балицкий. – Пётр Владимирович, кого вы ещё пригласили?

Ратманов тянул с ответом.

Резким движением он задёрнул шторы.

Подошёл к старинному, почтенному посудному шкафу из красного дерева, отделанному по краям вставками из цветного саксонского фарфора, наклонившись, открыл широкие скрипучие дверцы и достал аккуратно, из всех сил стараясь не сломать, три длинных витых свечи красного воска, каждая из которых вставлена была заранее в небольшую бронзовую плоскую подсвечник.

Ратманов расставил свечи на столе.

С минуту стоял у стола, словно тщательно и придирчиво проверяя, всё ли в порядке, всё ли сделано так, как надо.

Потом подошёл к небольшому столику-бюро у входа в комнату и поднял трубку служебного телефона. Набрал внутренний номер, произнёс отрывисто:

– Вино и вазу с фруктами. Через двадцать минут подадите горячее. Не пересушите утку, доктор этого не любит!

– Вы не ответили на вопрос, – напомнил Балицкий.

Полковник повесил трубку.

Повернулся к доктору и с виноватой улыбкой тихо произнёс:

– У неё особый день. Она вам не говорила?

– Кто? – с заметным уже раздражением спросил Балицкий. – Какой ещё день? Кто и что мне должен говорить?!

Доктор услышал шорох в дверях. Едва заметный, едва слышимый.

Он повернул голову. В дверях, улыбаясь смущённо, стояла Наталья Петровна. В руках она держала только что снятый (видно, в прихожей) лёгкий летний плащ, пальцами перебирая в нерешительности тонкую шуршащую ткань.

– У нашей Натальи Петровны... У нашей красавицы Натальи сегодня день рождения!

Ратманов подошёл к ней и принял плащ.

– Здесь у входа в комнату, за дверью, есть вешалка. Да, точно – она здесь... Профессиональная память, помню расположение предметов!

Повесив плащ, Ратманов подвёл Наталья Петровну к столу и, повернувшись к Балицкому, с умоляющей интонацией произнёс:

– Доктор, позвольте нам остаться. Вы приняли меня, примите и эту красивейшую из дам нашего замка.

– Принимаю, – подчёркнуто равнодушно ответил Балицкий.

И с кривой, болезненной усмешкой произнёс:

– Мерлин – хлебосольный хозяин...

Бек вошёл в комнату. Услышав шаги, человек, сидевший за столом, повернулся к нему.

– Здравствуй, Валентин. Беяк на месте, чай готовит

Он выглядел уставшим и хмурым. И говорил медленно, растягивая слова.

Их командир, куратор и связной – полковник Никеев. Борис Иванович Никеев.

Оперативное командование группой возлагалось на Ладеев (агент «Вальтер»). А общее руководство группой и связь с центром осуществлял Никеев.

Если он лично прибыл на явочную квартиру – значит, будет новое задание. Особо важное задание.

При постановке рутинных заданий инструкции передавались Ладееву. Он и доводил их до сведения группы.

Заказ на оружейника передали через Ладеева. И оружие им перекинули через закладку на одной из съёмных квартир.

Сейчас же явно намечалось что-то очень серьёзное. Может быть, не по уровню сложности, но уж по степени ответственности – это точно.

Впрочем, визит Никеева нисколько Бека не взволновал.

«Всё-то у нас чрезвычайное в последнее время...»

Бек пожал протянутую руку.

Манеры у полковника были вполне демократичные, с их-то компанией он и рюмочку-другую мог пропустить под неспешный разговор. Дружбы особой и панибратства не было, но тянутся во фронт не заставлял. Впрочем, не та они публика, чтобы каблуками щёлкать и руки по швам вытягивать; этот, как его... менталитет – армейский, да не казарменный.

Бек без приглашения присесть за стол не решался (демократия, конечно, хорошо, но субординацию никто не отменял), потому, поздоровавшись, отошёл в сторону, прислонился спиной к стене (хорошо, когда спина прикрыта) и, скрестив руки на груди, будто от нечего делать стал рассматривать много раз уж виденный узор на жёлтых, советской ещё выделки обоях.

Краем же глаза рассматривал он комнату. Рассматривал тщательно. Будто мысленно ощупывал предметы.

Стол, понятное дело, не на месте – выдвинут на середину комнаты. Стало быть, Никеев душевный разговор наметил, с чаепитием.

Был один раз такой разговор, потом какого-то мужичка крутого душить пришлось. Типа, самоубийство... Говорят, очень важный был тот мужичок.

«Ёлки-палки, вот примета верная!»

При этой мысли Бек едва не усмехнулся, но привычка в любой ситуации сохранять туповато-простодушное выражение лица взяла верх и усмешку Валентин спрятал глубоко-глубоко.

Так что и уголки губ не дрогнули.

Ещё он заметил, что вертикальные жалюзи на окнах закрыты не так, как обычно (поворотом налево).

«Никеев к окошку подходил? Высматривал кого на улице?»

И ещё... Дверцы шкафа они всегда плотно прикрывают. Потому что знают: старые дверцы из рассохшейся древесины закрываются плохо. Если их плотно не прижать – через некоторое время отойдут. Ненамного, но приоткроются. Это почти незаметно, но... Бек-то заметил.

Приоткрыты. Едва приоткрыты. Полоска – несколько миллиметров.

Но никто из группы такую полоску бы не оставил.

«Никеев открывал? Или тот, кто пришёл до него? Полковник сам гостинцы не носит».

Бек услышал шум: лёгкое и мелодичное позвякивание ложечки о фарфор.

Кирилл вошёл в комнату, с трудом удерживая в заметно подрагивающих руках поднос, на котором стоял красный фарфоровый китайский чайник в окружении синих чашек, синих же декоративных ваз, наполненных фигурным печеньем и пирожными и ещё каких-то плохо различимых столовых приборов.

«Постарались для начальства» подумал Бек.

Кирилл медленно, стараясь не потерять равновесие, поставил поднос на стол и, выпрямившись, и замер, ожидая дальнейших указаний.

– Вот спасибо, – радостно произнёс Никеев, придвигая стул ближе к столу.

И жестом гостеприимного хозяина показал на свободные стулья.

– Садитесь, мужики. Разговор недолгий...

Никеев посмотрел на часы.

– ...Потому как много дел на сегодня. Но серьёзный!

«Ишь ты, дела у него!» подумал Бек, присаживаясь к столу. «На ночь глядя...»

Ладеев, войдя в комнату, постоял секунду у стола и, достав из-за спины, с победным видом поставил на стол бутылку французского коньяка.

«Лу... Лю... Кто-то там тринадцатый» прошептал Кирилл, рассматривая этикетку.

А потом, посмотрев на угощение, воскликнул:

– Беляк, мать твоя женщина!

– Чего опять? – недовольно пробурчал Кирилл. – Всё же правильно делаю, и опять недовольны.

– Нет, в тачках ты, вроде, разбираешься, – продолжал возмущаться Ладеев. – А начальство грамотно принять – мозгов не хватает! Печенья какого-то натаскал... В ларьке за углом купил? Лимонов хоть бы принёс, фруктов. Нарезочку... Эх, беда с тобой!

– В центре с магазинами – беда, – заступился за товарища Бек. – Где здесь?

– Да у Басманной магазин! – возразил Ладеев.

– Вальтер, ты не бушуй ты, не суетись, – остановил его Никеев. – Садись, давай. Что я просил, то на стол и поставили. Не дёргай человека по пустякам.

Ладеев усмехнулся добродушно, похлопал Беяка по плечу («да ладно, шучу я!.. будто сам не понимаешь!») и, подвинув стул, сел было за стол, но потом вдруг привстал, открыл бутылку, быстро разлил коньяк по расставленным на краю подноса фужерам.

Полковник досадливо махнул рукой...

– Успеет ещё!

– Да мы так, без тостов и церемоний, – пояснил Ладеев. – Под дружеский разговор, по маленькой. Мужики подустали что-то в последнее время, вот я и решил побаловать.

– Заботливый ты, я смотрю, – иронично заметил Никеев. – Это, конечно, хорошо... Ну что, народ, как жизнь?

Беляк ничего не ответил. Он и в самом деле выглядел уставшим и теперь, присев за стол и невольно расслабившись, начал клевать носом, и только заслышав вопрос командира приободрился для видимости и пробормотал в ответ что-то невнятное, но, видимо, довольно бодрое.

Никеев разобрал только слова: «...ерунда» и «всё».

Бек же ответил чётко и по-уставному:

– Жалоб нет!

– Хорошо, – произнёс Никеев, отпивая коньяк. – Вот... хороший, зараза...

Он налил себе чай, помешал его ложечкой в задумчивости. Пальцем дотронулся до края чашки.

«Горячий...»

И продолжил:

– Для начала разрешите вам благодарность объявить. За удачно проведённую операцию. Наши там... из службы наружного наблюдения отследили... Как по маслу всё. Один свидетель, конечно, есть, но, по нашим данным, никакой пользы следствию от него не будет. Вы, похоже, здорово его приложили и у этого бедолаги то ли от удара, то ли от стресса развилась форменная амнезия. Показания даёт путаные, о фотороботе речи не идёт. Дело, конечно, чекисты забрали себе. Мы это ожидали. Но ничего лубянские не нароют. Да и не успеют просто...

Никеев показал на шкаф.

– Там ваш штатный паёк. Серый пластиковый контейнер. Деньги в трёх конвертах – по десять штук зелёными на каждого. Это за сделанное. А вот то, что предстоит...

Никеев нагнулся и достал из-под стола ноутбук.

Вальтер с готовностью сдвинул столовые приборы в сторону (оставив только чашку с налитым чаем), освобождая место.

Никеев включил компьютер, дождался, пока пройдёт загрузка.

Сидевшие сбоку от него оперативники наклонили головы (Бек даже привстал со стула), чтобы лучше видеть экран.

– Ваш клиент...

На экране появились фотографии: профиль, фас, вполоборота, на ходу, за столиком в кафе, садится в машину, выходит из машины, рядом с какой-то женщиной, говорит по телефону, стоит на террасе с бокалом в руке, и даже мелькнул один снимок со спины.

– Смотрите внимательно. Запоминайте. Мужчина очень серьёзный. Куда более крупного калибра, чем Осипов. Оружейник. Ныне покойный Виктор Владимирович под его чутким руководством бизнес крутил. Так что клиент этот нервный, пугливый. И к визиту вашему, скорее всего, приготовился.

На экране ноутбука появилась схема одной из улиц в центре Москвы.

– Зовут его Сахновский Григорий Константинович. По нашим данным завтра, с одиннадцати часов до тринадцати часов тридцати минут он будет в этом здании...

Никеев курсором показал на здание.

– Улицу узнали? Место знакомое? Это недалеко от Никитской... Григорий Константинович будет сидеть в кабинете триста два и ждать билеты. Сахновскому привезут билеты на рейс до Нью-Йорка. С доставкой прямым в кабинет не позднее одиннадцати часов ноль-ноль минут. После получения билетов наш клиент должен будет позвонить в Штаты и подтвердить время встречи. А потом он откроет сейф и будет проверять служебные бумаги. Часть документов постарается уничтожить. У него хороший шредер установлен рядом с письменным столом. Работы у Григория Константиновича будет много... Клиент сам позаботится о том, чтобы в кабинете в это время никого не было. Свидетели ему не нужны. Это облегчает вашу задачу...

На экране появились фотографии ампириного особняка в центре Москвы.

– Это, собственно, и есть нужно вам здание. Входа три. Один парадный, два – служебных. Вот здесь... Отдельно – фотографии служебных входов. Один... и второй. И вот здесь – подходы и подъезды к зданию. Кстати, там видеокамеры установлены. Две камеры над парадным, под одной – над служебными. На углах здания камеры...

Беляк придвинулся ближе к столу и внимательно рассматривал сменяющие друг друга фотографии.

– Смотри, Беляк, смотри, – одобрительно произнёс Никеев. – Тебе там машину ставить. Выбирай место...

Никеев выждал ещё с полминуты и закрыл ноутбук.

Он знал способности этих бойцов и не сомневался, что все фотографии во всех подробностях прочно отпечатались в их памяти.

– Теперь по существу, – продолжил Никеев. – В контейнере, помимо вознаграждения, есть ещё материалы для работы. Три ствола. Специально для Вальтера – его любимая девяносто вторая «Беретта»...

«Хорошо» прошептал Ладеев и радостно потёр руки.

– ...к каждому – две обоймы. Как обычно, оружие проверить, разобрать, собрать. Два мобильных телефона, сим-карты уже вставлены и активированы. Два наушника Bluetooth. И видеокамера...

– А это зачем? – удивленно произнёс Ладеев.

– Не забегай вперёд! – отрезал Никеев. – Слушай!

Он похлопал ладонью по ноутбуку.

– Сейчас, Вальтер, я выведу на экран список вопросов. Вопросы всего девять. Ты смотришь на экран и запоминаешь их. Смотришь столько, сколько потребуется. Я знаю, память у тебя, что стальной капкан. Но ты не спеши. Запоминай. До буковки, до точки. Эти вопросы ты задашь Сахновскому. Допрос снимите на видеокамеру. Камеру передадите мне. Лично, в руки! Ответы Сахновского для нас крайне важны. Он – крупная, очень крупная фигура в оружейном бизнесе. Но на допрос вызвать мы, понятно, его не можем. Да и на откровенную беседу вытаскивать не сможем. Он слишком опасен. Любую попытку вытянуть информацию он однозначно раскусит и пресечёт. А у него очень много друзей и среди милицейских, и среди чекистов. Да и на Старой площади кое-кто его прикрывает. Так что нет у нас иного варианта, кроме как совместить допрос и ликвидацию. Впрочем, Бек вон вообще – из военной разведки. Ему к таким делам не привыкать.

Бек улыбнулся широко и добродушно.

«И то верно» подумал он. «Я привычный...»

– Теперь – детали, – продолжал Никеев. – Первое – машина. Машину раздобудет Беляк. Желательно – недорогую иномарку. Там район пафосный, все с понтами, так что «Жигули» будут уж очень сильно выделяться на парковке. Присмотри что-нибудь для среднего класса, на чём офисные мальчуганы на работу ездят.

Беляк кивнул в ответ.

– За полчаса до начала операции вы выходите в район её проведения. Оцениваете ситуацию. Паркуетесь, ждёте. Без четверти двенадцать на телефоны придёт СМС сообщение. Текст: «Встречайте продавца». Это сигнал к началу операции. Сигналом отбоя будет сообщение: «Вылет задержан». Запомните: даже получив сигнал отбоя, вы уничтожите и машину, и оружие, и телефоны. Камеру можете оставить себе. Благо, что там и записей пока никаких.

«В отличие от телефонов, на которых кое-что имеется» отметил догадливый Ладеев.

– Получив сигнал в начале операции, идёте в офис. Проникнуть туда постарайтесь как можно незаметнее, без шума. И не попадаясь на глаза охране! Там народ серьёзный, в охране-то этой. Так что – никаких эксцессов. Используйте схему коммуникаций. У вас она есть.

– Поняли, – ответил за всех Ладеев.

– Проходите в кабинет Сахновского, – инструктировал Никеев. – Беседуете с ним, пишете допрос. Проверьте его одежду. Всё из карманов – забираете. Сейф можете не трогать, там большая часть документов скопирована. Клиента ликвидируете. Если что-то пойдёт не так...

Никеев болезненно поморщился.

– Запомните: приоритет – ликвидация. В крайнем случае, обойдёмся и без допроса. Это если он дёргаться начнёт, слишком сильный шум поднимет. Но улететь, ни в Нью-Йорк, ни куда-либо ещё этот гад не должен! Такова твёрдая и жёсткая установка. Не должен! Только в рай, и никуда больше. Можете резаками своими поработать, шприцами, кусачками, в крайнем случае – можете стволы использовать по полной. Если охрана в кабинет нагрянет – валите их! Но главное: Сахновского в Нью-Йорке не ждут, и видеть живым категорически не хотят. И это вы должны обеспечить!

– Сделаем, – уверенно сказал Ладеев.

Никеев раскрыл ноутбук.

– А теперь смотри и запоминай.

«Отца я не помню. Я сын вдовы. Первые пять лет жизни...»

«Из сообщений информагенства «Российская информационная служба»

...источник в Министерстве внутренних дел РФ сообщил нашему корреспонденту на условиях анонимности, что с 15 июля в различных регионах России отмечено появление крупных партий фальшивых купюр. В основном фальшимонетчики пытаются реализовать банкноты достоинством в 500 и 1000 рублей.

Источник отметил высокую степень координации действий злоумышленников и необычный размах их преступной деятельности.

Если в период с 15 по 20 июля фальшивые банкноты вбрасывались в обращение в основном в регионах Сибири и Дальнего Востока, то, начиная с 20 июля, сотрудники банков и правоохранительных органов отслеживают появление фальшивок в центральных регионах России, в том числе – в Москве и Санкт-Петербурге.

Источник так же отметил необыкновенно высокое качество изготовления данных банкнот, а так же высокую степень координации их вброса в финансовую систему Российской Федерации.

Подделки изготовлены, безусловно, типографским способом с использованием высококачественных красок, и отпечатаны на бумаге, по качеству и наличию защиты весьма достоверно имитирующей ту, которая используется для печати подлинных банкнот.

Мы так же хотели бы отметить то обстоятельство, что 15 июля – это день, когда подделки такого уровня были впервые обнаружены сотрудниками службы безопасности одного из новосибирских банков. Учитывая высокий уровень изготовления фальшивых банкнот и сложность их выявления, с полной уверенностью можно утверждать, что масштабное распространение началось до 15 июля.

Таким образом, если у вас есть хоть малейшие сомнения...»

Марсель выключил телевизор.

– Дай посмотреть! – воскликнул Марк. – Нам...

– Не могу, – строго ответил Марсель. – Мне рисовать надо. Доктор сказал. Днём надо было рисовать, а я время упустил. Доктор сказал: у меня талант.

– А картины у тебя бездарные, – ядовито заметил Санта.

Характер у Санты был желчный, что и говорить! Да и вид характеру соответствовал: вытянутое лицо, очень похожее на костлявую морду всё на свете видевшей и нещадно измученной жизнью усталой клячи, впалые жёлтые щёки, будто насквозь пропитанные болезнен-

ной желчью, брезгливо выпяченная нижняя губа, делавшая повернувшегося в профиль Санту удивительно похожим на аравийского верблюда.

Тёмные, с постоянно расширенными зрачками глаза его смотрели всегда куда-то мимо собеседника и выражали всегда печаль и скуку.

Внешний облик обнаруживал ядовитость характера. Но блестяще маскировал внутреннюю пружинную злобу, в глубину спрятанную необузданную ярость, сдерживаемую сейчас лишь установками доктора, лекарствами, тренировками и гипнозом.

На воле Санта жалил не только языком.

Марсель это знал. И видел Санту на тренировках. Сходилась с ним в спарринге. И знал, что способен этот болезненный с виду и слабый человек.

Знал так же, что палата под круглосуточным видеонаблюдением. И ещё помнил приказ доктора: «Никаких ссор! Особенно после отбоя».

Доктор взглядом разрывает на куски. С ним спорить нельзя. Можно только подчиняться. Доктор умеет дрессировать зверей.

– Мне надо рисовать, – жалобным голосом произнёс Марсель. – А телевизор меня отвлекает.

– Дай альбом посмотреть, – попросил Марк. – Телевизор нельзя, так дай альбом посмотреть.

– Точно! – присоединился Лис. – Давай посмотрим, что ли? Нет, правда! У меня столько идей! Вот, например, я вижу красную полосу у тебя на лбу. Вижу! После того, как «лимонад» дал по мозгам...

Марсель поморщился. «Лимонад» он не любил. Конечно, сладковатая жидкость эта с мелкими пузырьками вовсе не была лимонадом. Это они, большие особого назначения, так прозвали изготавливаемую доктором странную розовую воду, отдалённо напоминающую газировку с запахом лесных трав, после которой голова идёт кругом, весёлые чёртики прыгают напрямиком из расколотого черепа, глаза распухают и лезут прочь из глазниц, а в душе творится такое, что хочется и плакать, и задыхаться в нескончаемом хохоте, и высвистывать замысловатые мелодии, а ещё – встать на четвереньки и выть, выть, выть на небо, даже если небо это дневное и не видна на нём луна.

А ещё видишь такое, чего нет. Чего совсем нет! Ну совсем, совсем нет! Чего не увидишь даже тогда, когда открывается Глаз Души, о котором говорит доктор. Без «лимонада» и с Глазом не увидишь это...

Красная полоса – ещё что! Ерунда!

Плывущий в воздухе голый оранжевый человечек с клешнями вместо рук, из глазниц которого вырываются языки пламени, а из открытого рта высыпаются чёрные, извивающиеся черви и сколопендры.

И ещё... Странные, выплывающие прямо из стен, похожие океанских медуз существа, вылепленные из красной густой слизи.

Жёлтые змеи, прогрызающие дыры в полу.

Огромные синие зайцы, из ушей которых брызжут фонтаны крови.

Вытекающая тонкой струйкой из крана огненная, дымящаяся лава с запахом серы.

Белые шёлковые ленты, вылетающие прямо из ладоней и удавками обвивающиеся вокруг шеи.

Всё это видит, видит открытый сладким «лимонадом» Глаз. Даже после инъекций такого не увидишь!

А доктор говорит, что это только первая ступень. Первый шаг. И они пойдут ещё дальше!

Вот только... Слабость после этого «лимонада». И язык крутится без передышки. Хочется говорить, говорить без умолку.

А доктор слушает. Он всё слышит, всё! Зачем ему это? Он и так всё знает.

– Ерунда! – ответил Марсель. – Нет никакой полосы... Альбом там, в соседней комнате. Он похлопал ладонью по стене.

– Там. Надо его принести. Только...

Лис открыл дверь, выглянул в коридор.

– Санитаров нет, – произнёс он шёпотом. – Сегодня у нас свобода, равенство и братство. Доктор распорядился...

– Чёрта с два! – оборвал его Марк. – Доктор тут ни при чём. Санитары ему не подчиняются. И эти, которые с автоматами – тоже не ему подчинены. И те, кто парк охраняет. И те, кто на полигоне. Охрана ему не подчиняется.

– Кто ж их тогда убрал? – удивлённо произнёс Лис. – Вот дела...

– Не убрали, а переместили, – ответил Марк. – Из лечебного корпуса в административный. Часа...

Он пожевал губами, помолчал в задумчивости.

– ... Часа в три дня начали всех туда перебрасывать. Вроде и незаметно это было, но я засёк.

– Молодец! – восхищённо воскликнул Лис. – Слышали?

В возбуждении он пробежал по палате и толкнул коленом калачиком свернувшегося на дальней койке, мирно спящего Вильгельма.

– Вилли! Тимофей Петрович! Проснись, сукин сын! Интересное наблюдение...

Вильгельм, пробормотав: «отстань, убогий», завернулся в байковое одеяло, уголок накинул себе на голову.

– Тише, – утихомирив не в меру возбуждёвшегося больного осторожный Марсель. – Видеокамеры...

Он показал последовательно на люстру и дальний угол комнаты.

– ...никто не отменял.

– Иди уже! – заторопил его Лис. – Мне нужны рисунки! Творчество! Собаку, принеси собаку! Песочного цвета?

– Бежевого, – поправил его Марсель. – Иду...

«Переход из палаты в палату после отбоя запрещён!»

– Нарушение режима, – напомнил Марк. – Хотя, сдаётся мне, никто тебя, Илюша, не накажет. Отчего-то кажется мне, что доме нашем гость, и гость весьма важный. Так что санитарам, конвоирам и надзирателям не до нас. Они важную птицу охраняют. Не от нас, конечно. Мы же из их тайного ордена, правда? От кого-то другого охраняют... Сам не знаю, от кого. Но они боятся. Значит, что-то совсем нехорошее планируют.

– Вот это понимаю, аналитика высокого уровня! – восхищённо воскликнул Санта. – Да ты, братец безумный, наблюдать и предсказывать – весьма и весьма горазд.

– И это нехорошее поручат нам! – уверенно произнёс Марк. – Кому ещё нехорошее поручать, кроме как самым добрым и кротким? Доктор сказал, что мы землю наследуем...

– Это Христос сказал, – угрюмо пробурчал Крот, которого донимали и раздражали вечерние проповеди Марка.

– ...Судьба меня всю жизнь в гараже держала, – продолжал, распаясь, Марк, – А я книги читал, много книг прочёл. Тело есть тюрьма плоти, и, разрушая тело, можно освободить...

«Зараза!» злобно прохрипел Крот и отошёл подальше от набирающего темп и громкость проповедника. «Если Марсель альбом через минуту не принесёт – придётся дежурного санитаря вызывать. Всё-таки плохо доктор Марка контролирует. Больше всех с ним работает, а толку пока мало. Надо будет ему об этом сказать».

Марсель осторожным, кошачьим шагом пробирался по тёмному, едва освещённому синей лампочкой коридору.

К груди он бережно прижимал альбом с рисунками.

«Ох, и попадёт мне!» думал Марсель. «Ох, попадёт!»

Обряженный в какую-то нелепую, зелёно-красную лакейскую ливрею дежурный офицер торжественно внёс в комнату и с полупоклоном поставил на стол высокую, почти до краёв наполненную ледяной родниковой водой хрустальную вазу, в которую бережно, дабы не повредить длинные и хрупкие стебли, поставлен был пышный букет ярко-алых, бусинами вечерней росы усыпанных роз.

– Боже!

Наталья Петровна всплеснула руками.

– Это вам, – с нескрываемой гордостью за собственную галантность произнёс Ратманов.

И, повернувшись к офицеру, распорядился:

– Свободны!

Офицер щёлкнул каблуками серебряных лакейских туфель и поспешно вышел, едва не выбежал, из комнаты.

– Красота какая!

Наталья Петровна, не выдержав, вскочила с места, подошла к той части стола, где стояла ваза с букетом (служивый лакей предусмотрительно поставил вазу подальше от столовых приборов) и, склонившись над подрагивающими лепестками, вдохнула их сладкий аромат, на секунду прикрыв глаза.

– Чудо... Ой, голова закружилась!

Она покачнулась, но Ратманов, подбежав к ней, успел подхватить её под локоть и проводить на место.

– Всё хорошо, Наташа? – заботливо спросил Пётр Владимирович. – Вы как будто... Я, признаться, даже испугался. Побледнели, смотрю... Неужели этот запах цветов так сильно на вас действует? Или...

«Общение с моими подопечными» с холодным безразличием отметил Балицкий. «На неё действует общение с больными. Оно отбирает слишком много сил. Она истощена. Психологически. Резервы организма израсходованы».

Всё это время доктор в молчании сидел в дальнем конце стола, совершенно не реагируя на всю ту праздничную суету, в которую явно старался вовлечь его Ратманов.

Бледное, вытянутое лицо доктора было неподвижным и бледно-восковым. Он не реагировал на реплики и шутки, на тосты и пожелания, даже пожелания в свой адрес.

А ведь Ратманов, многозначительно подмигнув, как-то провозгласил тост: «За выход из лабиринта!»

«Лабиринт – символ обмана» подумал тогда доктор. «Двойной игры... Когда кажется, что идёшь в одну сторону, а на деле-то двигаешься совсем в иную. В тупик, подальше от выхода. Так, полковник?»

Однако вслух ничего не сказал и маску равнодушия с лица не снял.

– Мне уже ничего, лучше, – словно оправдываясь, виноватым голосом произнесла Наталья Петровна. – Просто я устала в последнее время...

– Это вас доктор замучил! – воскликнул Ратманов и подмигнул Балицкому. – Наталья, не волнуйтесь, мы объявим ему выговор. Доктор, ну нельзя быть таким холодным и жестоким! Дело ваше крайне важное, но даму терзать...

«А пиджачок-то он снял» отметил Балицкий. «Расслабился... Или подчёркивает домашнюю, прямо-таки семейную непринуждённость обстановки. А ведь это я здесь живу, полковник, а не ты. У тебя есть дом. Нормальный дом, так? Семья, дети... Любишь детей, полковник?»

Они тебя дома ждут, а ты со мной, монстром-оборотнем, время теряешь. Нехорошо, полковник, нехорошо! Рассказал бы коротко о совещании, да и по домам. И мне выспаться было бы время. Завтра ведь, как всегда, рано вставать. Задерживаешь меня, полковник. Нехорошо!»

Ратманов и в самом деле снял пиджак (предварительно, как и подобает джентльмену, спросив разрешение у дамы) и довольно небрежно бросил его на спинку свободного стула.

Ратманов раскраснелся от вина, щёки его блестели от проступившего пота. Полковник успел уже украдкой ослабить узел синего, в серую полоску галстука, и вид у него был и вправду вполне домашний и даже отчасти разгильдяйский.

– Я и в самом деле немного устала, – Наталья Петровна поправила локон. – Но доктор здесь ни при чём. Он совсем... Вы не думайте, Пётр Иванович, Семён Сергеевич замечательный руководитель. Это он себя не щадит, а вот нас... Просто этот праздник... Всё это так неожиданно. Честно говоря, я не думала что мне подарят такой прекрасный вечер.

– О, да!

Ратманов присел за стол и разлили вино по бокалам.

– Я ведь вас, Наталья Петровна, уже у самых ворот поймал, у КПП. Спешил сюда, думал, что уже не застану вас. Переживал, что уйдёте. А доктор меня без вашего заступничества и не примет. И буду рыдать я у запертых дверей...

Он поднял бокал и, наклонившись и далеко вытянув руку, поставил его перед доктором.

– Где ж вы такой роскошный букет раздобыли? – с придыханием произнесла Наталья Петровна, не отрывая взгляда от цветов. – Сколько их? Раз, два, три... Вот с другой стороны...

– Не трудитесь, Наталья Петровна, – прервал подсчёт Ратманов. – Двадцать одна роза. Три раза по семь. Хорошее число, приносит удачу.

Он, скосив глаза, посмотрел на часы.

– Время на исходе. Поздно уже. Праздничный вечер к концу подходит, а доктора расшевелить нам не удалось. Сидит угрюмый, и даже к любимой своей утке едва прикоснулся. Может быть, заказать китайские булочки с ананасами? Что скажете, доктор? Повара ещё на месте, я их не отпускал.

– Не надо меня шевелить, – тихо, едва слышно ответил доктор.

– И то верно! – тут же согласился Ратманов. – Не буди лихо, пока... Пока лихо тихо сидит за столом! Я ведь знаю доктор, на какие опасные чудеса вы способны, потому и обращаюсь с вами с надлежащим почтением.

Ратманов прыснул нелепым, коротким, пьяным смешком и тут же замолчал, приложив палец к губам.

– Хотел бы поднять этот, как его... Бокал! Да, бокал хотел бы поднять за главное. За простое человеческое счастье. За семью, за...

– А я жду, между прочим! – неожиданно прервал Ратманова доктор.

Ратманов, кашлянув, замер на секунду. Потом опустил поднятый было бокал и посмотрел удивлённо на доктора.

Наталья Петровна, будучи профессиональным психиатром, привыкла за полтора года самого тесного, хотя и сугубо служебного, общения с доктором к чудачествам последнего (иногда на грани сумасшествия, а то – и за гранью...) отреагировала спокойно.

Она поняла, что полковник доктора всё-таки расшевелил, потому спокойно отпила глоток вина и, положив на тарелку гроздь чёрного греческого винограда, стала отщипывать не спеша одну за другой крупные ягоды, терпеливо пережидая разгорающийся скандал.

– Вы ведь не просто так на ужин напросились! – сильным, звенящим голосом выкрикнул Балицкий. – Мы дни рождения не отмечаем, мы ещё не родились!

– Доктор, успокойтесь, – примирительным тоном произнёс Ратманов.

Балицкий замолчал на секунду, тяжело вздохнул, потом встал и, подойдя к окну, отдернул шторы.

– Ночь... Полковник, ночью я особенно раздражителен. Наталья Петровна вам подтвердит. Она не любит ночные смены. Ночью я хожу по коридорам, в ночном халате и с фонариком в руках. Мне некуда идти, полковник. Вы посадили меня в сумасшедший дом!

– Нет! – возразил Ратманов.

Это короткое слово прозвучало так громко и отрывисто, что стало понятно – Ратманов лишь невероятным усилием воли воздерживается от крика.

– Не мы, – продолжил с тем же надрывом Ратманов. – Доктор, я ведь много знаю о вас. Мы... Да, мы многое знаем о вас. Не мы посадили вас сюда, вы сами загнали себя в этот приют для проклятых... Ой, чёрт! Простите, Наталья Петровна, похоже, я невольно обидел вас.

– Нет, ничего, – спокойно ответила Наталья Петровна. – Это моя служба. Место службы, не более того. А ведь доктор... Доктор несчастный человек. Он живёт здесь.

– А не его ли это выбор? – повысив голос, спросил Ратманов.

Потом, словно опомнившись, прервал начатую было риторическим вопросом обличительную речь и, внезапно изменив тон, задушевым голосом спросил:

– Что же происходит с вами, уважаемый Семён Сергеевич? Неужели мы так и не смогли вам помочь? Неужели судьба ваша так уж плохо сложилась? Да, вам много пришлось пережить. Я знаю...

– Ничего вы не знаете! – закричал Балицкий.

Выкрик его был таким резким и неожиданным, что даже привычная ко всему Наталья Петровна вздрогнула и, утратив прежнее видимое спокойствие, с явным уже беспокойством смотрела на доктора.

– Ничего!

Балицкий подбежал к Ратманову и, наклонившись, прошептал побелевшими губами:

– Всё, что было – было внутри меня. Вот здесь!

И он с размаху ударил себя ладонью по затылку.

– Здесь, в этой вот, моей дурной голове! И весь мой дом, и моя семья, и вся жизнь моя, и мой собственный, персональный, по выбору моему предоставленный мне ад – всё было здесь! И здесь же осталось! И что вы об этом можете знать, полковник?

Ратманов неожиданно побледнел. Кровь отхлынула от лица. Он покачнулся, схватился за край стола.

– Доктор, не надо! – крикнула Наталья Петровна. – Семён Сергеевич, отойдите! Отойдите, я вас прошу!

Балицкий замер на мгновение. Потом повернулся к ней и тихим голосом произнёс:

– Простите... Я дурной компаньон для праздников. Всё со мной не так... Когда-то я просил оставить меня в покое. Не слушают, не слушают.

Доктор развернулся, на ватных, заметно подгибающихся ногах дошёл до стоявшего в углу комнаты кресла и буквально рухнул в него так, что деревянные подлокотники опасно закрипели и едва не разошлись в стороны под тяжестью навалившегося на них тела.

Балицкий, с трудом выпрямив спину, замер, закрыв ладонью лицо.

Ратманов, приходя в себя, дёрнул пальцами воротник рубашки и часто, шумно задышал.

– Что-то нехорошее вы со мной, Балицкий, сотворить хотели, – прохрипел полковник, искося, с беспокойством и подозрительностью глядя на доктора. – Что-то вы доктор с мозгами моими...

– Я могу принести лекарство, – предложила Наталья Петровна.

И попыталась встать из-за стола. Но Ратманов взмахнул рукой и прошипел:

– Не надо! Я сам...

Закашлял. Допил вино, оставшееся в бокале.

И с упрямым ожесточением произнёс:

– Вам всё-таки придётся дослушать меня. И вам тоже, дорогая наша виновница торжества! Уж коли вы испортили праздник, доктор, так давайте завершим торжественную часть и начнём разговор по душам. Мы знаем, что произошло с вашей семьёй. Мы знаем, как вы лечили вашего сына. Какие лекарства на нём испытывали, каким пыткам подвергали...

Побледневшая Наталья Петровна с удивлением смотрела попеременно то на доктора, то на Ратманова.

– ...И чем это всё закончилось. Мы знаем, кто погубил вашу семью. Вы, доктор, вы! Мы никогда бы не привлекли вас к работе над этим проектом, если бы не были уверены в вашем абсолютном презрении к человеку. И в вашем высочайшем профессионализме. Именно такой волшебник нам и был нужен. Отринувший всё человеческое! Мы слишком далеко зашли в своём противостоянии с этой гниющей матушкой-Россией, чтобы зависеть от личных связей, привязанностей, симпатий, эмоций и прочего барахла, мешающего быть твёрдым как сталь и творить историю. Там!

Ратманов, выбросив руку, показал на чёрное, забрызганное холодным ночным дождём окно.

– Там скоро всё изменится! Всё будет по-другому! Уже через месяц вы не узнаете этой страны. Точнее того, что останется от неё. Мы все, все участники проекта «Лабиринт» будем жить в новой реальности. В счастливом мире, нашем мире! Вы даже не представляете как мы будем богаты и как мы будем счастливы! Вы...

Он повернул голову. Наталья Петровна с беспокойством заметила, что глаза у полковника заблестели большим, лихорадочным блеском.

– ...Сколько вы получаете? Не стесняйтесь, говорите! От начальника нечего скрывать. Я же платёжные ведомости не запоминаю.

Наталья Петровна смущённо улыбнулась.

– Хватает на жизнь, Пётр Владимирович. Спасибо управлению, не обижает. Тысяч девятьюсто в месяц и ещё сорок за вредность...

– Гроши! – выкрикнул, брызнув слюной, Ратманов. – Гроши по сравнению с тем, что будет у вас! У нас всех! Вы можете оценить нашу щедрость. А вам, ... Доктор, мы дали вам всё! Жизнь, свободу, возможность реализовать ваши планы, воплотить в жизнь ваши безумные... Да, безумные фантазии! Мы спасли вас от уголовного преследования, спасли вас от тюрьмы. В конце концов, мы спасли вас от себя самого. Мы поверили вам, хотя любой нормальный человек на нашем месте предпочёл бы сгноить вас в клетке как дикого зверя. Но в том-то всё и дело, что мы ненормальны не меньше вашего и именно в этом ваше, доктор, спасение. Мы предоставили вам всё, необходимое для работы: здания, полигоны, людей, технику, оружие, самые редкие, невероятные и экзотические лекарственные средства, наркотики всех видов и в любом количестве, самое щедрое финансирование, наше прикрытие и, наконец, власть. То, что вам надо было для успеха – неограниченную, абсолютную власть над людьми! Сейчас в вашей группе шесть сумасше... То есть, простите, оперативных сотрудников. А сколько было вначале? Сколько было попыток? Сколько было в первой экспериментальной группе? Десять больных, не меньше. Где они? Ликвидированы, доктор. Списаны как шлак, как лабораторные отходы. Где вторая группа? Ушла в небытие. Списана и забыта. Эта третья! И первая успешная. Первая группа, которую можно использовать в качестве боевой. А о тех двух никто и не вспомнит. Почему? Потому что у вас есть мы! А у нас есть ваша уникальная методика создания боевиков, революционно-подпольных групп! наших големов...

– Голем был глиняным болваном, – отозвался доктор. – А я создаю свободных людей. И не смейте их использовать в качестве глиняных болванов! Для этого у вас есть другой материал.

– Хорошо, – согласился Ратманов. – Свободных... Кстати, как вы их назвали? КПБ – это же ваша аббревиатура? Напомните, пожалуйста, как она расшифровывается.

– Коллектив патриотических больных, – ответил доктор.

Ратманов усмехнулся.

– Патриотических...

И пальцем погрозил доктору.

– Иронизируете? Ай, нехорошо! Мы ведь с вашими патриотами Россию преобразим до неузнаваемости. Там, наверху...

Ратманов выдержал многозначительную паузу.

– ...Приняли решение начать финальную стадию проекта «Лабиринт». И осуществим мы её в рамках более масштабной операции. Вы, лекари душ истерзанных, должны за четыре дня завершить подготовку ваших подопечных. Четыре дня! Не больше!

Ратманов для убедительности поднял четыре широко растопыренных пальца.

Балицкий ничего не ответил ему. Он всё так же неподвижно сидел в кресле и молчал.

– Уложите, доктор? – осторожно спросил Ратаманов. – А вы, Наталья Петровна?

– Как доктор скажет, – неуверенным голосом ответила Наталья Петровна.

– Завтра с утра у нас групповая терапия, – глухим голосом произнёс доктор. – Потом занятия в спортзале. После обеда – полигон. Ближе к вечеру медитация и свидание с Кундалини. Потом три дня занятий...

Балицкий пошевелил губами.

– ...Мои люди готовы. Готовы. Но как вы их используете? Голова... Это же тончайший механизм! Какая же настройка нужна голове! Вы же разрушите всё... Я же из глины создал ангела, минуя творение человека. Я создал подлинно новую реальность, а не эту вашу... долларовую, обывательскую пошлятину, которую вы пытаетесь подсунуть мне вместо рая! Вы думаете, я создал совершенных убийц? Всего лишь убийц? Какая глупость! Неимоверная глупость! Я создал новое человечество. А вы... Обидно! Как же обидно, когда нельзя сорвать плод с тобою же выращенного дерева. Обидно, когда дерево хотят срубить, не попробовав плодов. Срубить лишь для того, чтобы из ствола вырезать большую, тяжёлую дубину. Всё изменится, как же... В голове у вас ничего не изменится. Станете богатыми, счастливыми... И останетесь такими же дураками!

Балицкий вздохнул тяжело и закрыл глаза.

– Тяжело с вами, доктор, – сказал Ратманов. – Впрочем, мы к этому были готовы. Так что скажете?

– Будут вам исполнители, – тихо, почти шёпотом произнёс Балицкий. – Через четыре дня.

Ратманов ответил ему голосом вялым и безжизненным, словно совсем не обрадовал его вымученный ответ доктора:

– Вот и хорошо. Совсем другое дело. Совсем...

Он весь размяк и едва удерживал равновесие, привалившись широкой спиной к спинке стула.

– Может, пойдём? – предложила Наталья Петровна. – Всё было так хорошо. Такой чудесный праздник! Но время... Мне ведь ещё до «Речного вокзала» надо как-то добраться, а скоро и метро ходить перестанет.

– А вы не на машине? – заплетающимся голосом спросил её Ратманов. – Что, правда? Не купили? А мы вам с покупкой поможем. Да, поможем! Наше управление... Эх, да мы авто-салоны в бараний рог скрутим!

– Ой, не надо! – Наталья Петровна поспешно замахала руками. – Не надо никого скручивать. Я просто боюсь по Москве ездить. Хотя психиатр мог бы много ценных наблюдений сделать на московских дорогах, но мне... Жить ещё хочется. Поэтому я, пожалуй...

Она посмотрела на часы.

Ратманов встал, подошёл к ней и решительно взял за руку.

– Я вас отвезу!

Наталья Петровна испуганно отдернула руку.

– Не бойтесь вы, – успокоил её Ратманов. – Товарищ полковник нетрезв, но...

Ратманов щёлкнул каблуками.

– ...Но за рулём будет не он, а его водитель. А я расскажу вам по дороге пару забавных историй из жизни простого российского особиста, коим я и был когда-то. Так что скучно не будет!

Ратманов схватил пиджак и резко сдернул его со стула. Из внутреннего кармана пиджака вылетели и широким веером рассыпались, разлетелись по полу разноцветные, золотые, серебряные, платиновые, красные и зелёные пластиковые прямоугольники кредитных и банковских карт.

Ратманов быстро накинул пиджак и, подозрительно оглядевшись по сторонам, упал на колени. Не смущаясь присутствием дамы и уважаемого доктора, полковник пополз по полу, по-обезьяньи суетливыми движениями собирая драгоценный пластик.

«А вот ещё от нью-йоркского банка карта была...» обеспокоенно шептал Ратманов, заглядывая под стол. «Она-то куда подевалась? Вот зараза!..»

«А этот тип из управления – человек не бедный» с усталым равнодушием отметил доктор и надавил каблуком на складку ковра. «Как он похож на жадного хомяка, собирающего с пола зёрнышки! Эти люди, пожалуй, за пластик да зелёные бумажки не то, что Россию – полмира на уши поставят. Только как же скучно с ними!»

Балицкий встал и подошёл к двери, ведущей из гостиной в его личные покои, милостиво выделенные ему в этом доме административным отделом Управления.

«А мне и ехать никуда не надо» с грустной улыбкой подумал доктор. «Тоже, наверное, преимущество... Не дай Бог никому таких преимуществ!»

– Доктор! – позвала его Наталья Петровна.

Балицкий замер у двери.

– Простите, доктор, если мы обидели вас или сделали что-то нет так. Я понимаю, этот праздник не нужен вам. Ни к чему было навязывать вам этот ужин... вы не любите общество. И ещё вы так устаёте. Вам нужен отдых, я понимаю. Просто Пётр Владимирович хотел подарить вам праздник. Хотел хотя бы на один вечер, на несколько часов создать иллюзию домашнего очага. И...

– Я знаю, чего хотел Пётр Владимирович, – не поворачивая головы, ответил доктор. – Конечно, я не замечаю тех, кто работает рядом со мной. Я сухарь. Бестактный, бессердечный, нелюдимый. Так обо мне говорят? Наверное, это правда. Но. Наверное, я не могу быть совсем равнодушным к людям. Я кое-что помню... День рождения у вас, Наталья Петровна, в середине октября. И вы его не отмечаете. Вы живёте одна, без мужа. И детей у вас нет. Не знаю, что рассказывал вам полковник и как он уговорил вас участвовать в этом спектакле... Вы хороший человек, Наталья Петровна. Вы самый лучший человек из всех, кто здесь... Я знаю, что требует от вас Ратманов.

– Я вас насквозь вижу, полковник! – крикнул он Ратманову.

– Замечательно, – пробурчал в ответ полковник, вставая с пола и отряхивая брюки.

Собранные карточки полковник пересчитал, потом запихнул кое-как в портмоне.

И, подхватив со стола, прижал к груди вазу с цветами.

– Вечер окончен, уважаемые...

И вышел из комнаты.

– Идите с ним, – попросил Наталья Петровну доктор. – Он нетрезв и может уехать без вас. Полковник был галантен, пока вы были нужны ему. Спектакль окончен, нужда отпала и полковник может забыть вас здесь. Вам ни к чему ночевать здесь. Вы добрая... Доброму человеку незачем оставаться на ночь в этом доме.

– Я оставалась в больнице на ночь, – напомнила Наталья Петровна. – В ночную смену. Вы помните, были ночные процедуры, надо было помочь медсёстрам. Я не боюсь...

Она перешла на шёпот.

– ...Ваших оборотней.

Балицкий резко отшатнулся от неё, плечом ударившись о дверь.

– Уходите! – крикнул он. – Уезжайте, прошу вас! И не вспоминайте! Не вспоминайте!

Он рывком открыл дверь и выбежал из комнаты.

Наталья Петровна посмотрела вслед ему.

Взгляд её был спокоен и печален.

«Бедный Волк!» подумала она. «Он грызёт сам себя».

Офицер, дежуривший на контрольно-пропускном пункте, проводил взглядом пролетевший мимо него чёрный «Порше Кайен», надвинул пониже капюшон дождевика и, отойдя под навес, подальше от холодных струй ночного ливня, произнёс тихо, будто сказал самому себе:

– Главный проследовал через первые ворота. В салоне, кроме него, водитель и Наталья, старший ассистент доктора. Ворота открыли заранее, как приказывали. Доложил капитан Валеев.

– Молодец Валеев! – ответила спрятанная под дождевиком и форменной курткой портативная рация. – Хорошо сработал! Теперь – в дежурный режим. Ворота закрыть, подключить сигнализацию. Обход квадрата – каждые полчаса. Смена – в три утра. И внимательней там, камера на углу во втором секторе квадрата барахлит.

– Вода в стыки кожаных затекла, – пояснил Валеев. – Я технику звонил, он только завтра утром проверит, не раньше...

– Развели демократию... – недовольно зашипела рация. – Что ещё?

– Разрешите один личный звонок, – попросил Валеев. – Две минуты, не больше. Жене нужно срочно сообщить! Не успел раньше, меня на дежурство только в восемь вечера поставили, а должен был завтра...

Валеев для пущего эффекта даже состроил печальное и одновременно жалобно-просящее выражение лица, хоть и знал прекрасно, что невидимый собеседник едва ли оценит возможности его мимики и богатую её палитру, которой мог бы позавидовать и цирковой клоун-мим.

– Очень надо!

Рация, пошипев, милостиво согласилась:

– Дви минуты. И не подключай мобильный! Только по служебному телефону! Если перехватчики хоть какое-нибудь излучение засекут от твоего квадрата – пеняй на себя!

– Понял! Ничего другого, только проводной телефон!

Валеев пару раз кивнул в ответ и радостно заулыбался.

Он-то прекрасно знал местные порядки. Знал, что пользоваться мобильными телефонами на территории больницы категорически запрещается. Даже запрещается их включать.

Знал, что все звонки – только по служебным телефонам. Ещё он знал, что служебные эти телефоны прослушиваются службой технического контроля.

Понимал, что и этот звонок непременно прослушают и, быть может, запишут на жёсткий диск подключённого к контрольной системе компьютера. А там, возможно, и отцу-командиру прокрутят. Так, для информации. Полковнику, конечно, докладывать не будут (мелок капитан для того, чтобы сам полковник Ратманов его делами интересовался), но вот заместителю его сообщат.

Да, ничего! Ерунда!

Не советские нынче времена, чтобы за баб на ковёр к начальству тягать. Сами вон, командиры-то наши, по саунам шляют. Не здесь, конечно, не в больнице – здесь режимный объект и камеры на каждом углу. Здесь каждый чих под контролем.

А там, на воле – там такое творят...

Линевич, старлей из службы наблюдения, рассказывал (под большим секретом, конечно, и только после принятой на грудь изрядной порции коньяка), что встречал он как-то в «Шереметьево» вернувшегося из Штатов полковника Ратманов. Полковник был пьян до полной невменяемости, на ногах не держался, пускал слюну и бормотал что-то несвязное. Но важного человека без присмотра оставить нельзя и потому от самого паспортного контроля в ВИП-зале (на котором полковника задержали лишь на полминуты, сунув в карман пиджака заранее проштампованный пограничниками паспорт) и до распахнутой двери этого самого «Порше» вели его под руки под удивлёнными взглядами сотрудников службы наблюдения какие-то совсем незнакомые, ни в одном списке агентов не значившиеся размалёванные и так же сильно нетрезвые девицы в мини-юбках.

Девиц тех было (точно сосчитали!) четверо. С полковником двое поехали, оставшиеся двое поймали такси и поехали куда-то к чёрту на рога, в Коровино.

Слишком долго этих невесть откуда взявшихся девиц вести не стали. После МКАДА наблюдение приказали снять.

И так было понятно, что это за публика.

«И где эту шантрапу полковник снять умудрился?» вздыхал Линевич. «Неужели в Калифорнии? Что, и туда матрёшки добрались?»

Да, не советские ныне времена. В некотором смысле, попроще всё стало. Человечней.

Валеев зашёл в здание КПП и набрал номер.

«Слушайте, слушайте... Всё равно другого выхода нет. Надо Машку предупредить».

– Машуня! – крикнул он в трубку, дождавшись заветного «Алло, слушаю...». – Я не смогу сегодня приехать. Я в ночь сегодня дежурю. Внеочередная смена, боремся с преступностью... И ты не приезжай! В мою квартиру не приезжай. Моя законная завтра с курорта приезжает. Опять пилить будет, что на вокзале её не встретил. Завтра обстановка нервная будет, суета сплошная. Так что ты не звони и приезжай. Даже на мобильный мне не звони! Я сменюсь, всё улажу, мегеру мою успокою – и сам тебя наберу. Поняла? Ну и умница! Целую, солнышко! Пока!

«Что за жизнь?» с грустью подумал Валеев. «Каждый шаг под контролем!»

И положил трубку.

– Что ты нарисовал?! – закричал Марк. – Как ты мог?! Я доктору!.. Я всё расскажу! Марсель улыбнулся виновато и закрыл альбом.

– Сам же просил нарисовать смерть. Я ведь могу и цветы рисовать, ты же знаешь...

Беляк посмотрел на часы.

Половина первого ночи.

«Мало времени, мало!»

Подходящая машина, как назло, не попадалась. Да и легко ли это: за считанные часы нужную машину найти («и чтобы среднего класса, и технически исправная, и неброская, да ещё и такая, которую угнать можно быстро и без лишнего шума... вот придумали!»), перегнать в безопасное место (а гараж с подходящими инструментами тоже не так-то просто найти!), номера перевесить (хорошо – на двигателе перебивать не надо), стёкла затонировать...

И дел полно, и ночь уж началась, а результатов...

«Никаких! Ничего подходящего не попадает, как назло!»

Если и попадались подходящие, то стояли они под окнами, под фонарями, либо на охраняемых стоянках.

Угнать, конечно, можно и оттуда (и не так уж сложно это сделать), но не хотелось рисковать. И шума не хотелось. Уж больно ответственной была завтрашняя операция.

Действовать надо было наверняка. На второй заход времени может уже не остаться.

Закапал дождь. Мелкие и редкие поначалу, капли становились всё крупнее и стучали по асфальту всё чаще и чаще.

Потянуло знобящим ветром, стало по-осеннему сыро и холодно.

Скоро и лужи захлюпали под подошвами. Заболели стопы тянущей ревматической болью.

«От армии подарок» подумал Беляк, выбираясь с дороги на тротуар. «Намёрзся там в своё время, до сих пор отойти не могу. Сейчас ещё суставы дёргать начнёт... Совсем плохо! Однако...»

Нет, не совсем. Даже совсем неплохо! Вот он, вариант! Прямо под носом, голубчик!

Тёмно-синий «Форд Фокус», новенький, с глянцевым отблеском, игрушка милая, да уже и затонированный – выехал из внутреннего двора на улицу и на выезде притормозил.

Водитель («дурачок юный» сразу определил Беляк) держит ногу на педали тормоза и ждёт... Кого-то ждёт. Или по мобильному разговаривает?

В любом случае – быстрее надо действовать. Нельзя его упускать!

– Эй! Командир!

Беляк подбежал к машине и крикнул водителю, не успев перевести дыхание. Отчего крик получился особенно пронзительным и отрывистым.

– Стой!

Водитель посмотрел удивлённо в его сторону.

«Ждёт кого-то... Надо быстрее, мне свидетели не нужны».

– Чего вам?

Голос недоумённый и недовольный одновременно. Конечно, не входила эта встреча в твои планы, не ждал ты Кирилла Толмачёва, агента с оперативным псевдонимом «Беляк».

Не ждал, так тебе же лучше. Спокойней отключишься, без лишней нервозности.

– Ты чего творишь, родной? – мастерски разыгрывая возмущение, быстро и подчёркнуто нервно затараторил Беляк. – Нет, ты чего тут вообще разъездишься? Тебе кто тут позволил?

– А что? – ошарашено произнёс водитель.

Удача! Приглубил господь Беляка, и впрямь – дурачка для него приберёт. Водитель был юн и его водительский стаж был весьма невелик. Да и жизненный опыт – небогат.

Поэтому с трусоватой наглостью застигнутого на месте преступления «чайника» он попытался было отбиваться:

– Да что я сделал-то?

Но был тут же сломлен уверенным криком Беляка:

– Что сделал? Ещё спрашиваешь, гад?! А ну, выходи! Выходи, я тебе покажу! Я тебя мордой ткну! Я твой номер записал! Тебя милиция везде достанет! Ты, когда со двора выезжал, крыло мне помял! У тебя у самого вмятина сбоку осталась! Сам посмотри!

Парень, ошарашено покрутив головой, словно из кабины пытаясь рассмотреть последствия ужасной аварии и, конечно же, не увидев таковых, поставил машину на ручной тормоз и подрагивающими руками приоткрыл дверь.

– Сейчас я... Не заметил ничего,.. – бормотал он что-то бессвязное.

Высунул голову. Готово! Попался!

Беляк наотмашь ударил его по шее. И кулаком – в затылок.

Водитель тут же потерял сознание и едва не вывалился на асфальт, но Беляк быстро подхватил его и закинул обратно в салон.

Затем быстро обошёл машину, открыл дверь со стороны пассажирского сиденья, и потащил тело на себя, освобождая водительское место.

Парень забормотал что-то и попытался взмахнуть руками. Беляк ещё раз ударил его, на этот раз – в висок. Беляк силой был не обижен, скорее наоборот – наделён от природы весьма щедро. Потому и знал: от его фирменного удара в висок любой, даже самый крепкий мужик отключится минимум на полчаса. А уж этот хлюпик не меньше часа сопеть будет.

А там по свободным ночным дорогам можно будет за город выехать, вхорошо знакомое укромное место.

И там уж с начальством посоветоваться, судьбу водителя решить.

«Может, повезёт тебе» подумал Беляк, сочувственно глядя на окончательно отключившегося водителя. «Может, тебя в живых оставят. Мы же не злые, работа просто такая. Выехал бы минут на десять пораньше или попозже, так совсем по-другому судьба у тебя сложилась бы. Мы же как трамваи: давим только тех, кто на пути встаёт. Да и то не всех. Рельсы, брат, такая штука... Не лезь на них, и всё будет хорошо».

Беляк сел на водительское сиденье. Отрегулировал зеркала. Глянул на приборную панель...

«Да ты и заправиться успел? Молодец!»

..снял машину с ручника и, мигнув поворотником, повернул на дорогу, ведущую к проспекту Мира.

Примерно через триста метров, уже у самого выезда на проспект, его остановили сотрудники ДПС.

Молодой, худощавый, тонкошей лейтенант, в широком и массивном бронежилете своём похожий на мокнущего под дождём, неведомо как попавшего на московские улицы черепашонка, подошёл к машине, постучал по стеклу и, выдержав паузу, важно представился:

– Лейтенант Якименко, документы на машину...

– О, братан! – радостно закричал Беляк. – Чего тебе, начальство жизни не даёт?

Лейтенант удивлённо посмотрел на Кирилла, зачем-то поправил затянутую в мокрый полиэтиленовый чехол фуражку, откашлялся и, неуверенно приложив ладонь к виску, строгим голосом повторил:

– Документы на машину, права! Пожалуйста! И выйдите из машины! Что у вас там?

Лейтенант сделал попытку просунуть голову в салон.

– Что с пассажиром? У него кровь на лице!

– Да не дёргайся ты, лейтенант!

Беляк упёрся растопыренными пальцами в лицо любопытному лейтенанту и буквально выпихнул его из салона.

– Чего?! – повысил голос милиционер.

– На тебе документы!

Беляк протянул лейтенанту спецталон и удостоверение майора ФСБ.

И одновременно набрал номер на мобильном.

– У вас в талоне номер машины не проставлен, – задумчиво протянул лейтенант, внимательно рассматривая с фонариком документы. – Мне проверить надо...

Он сделал было шаг по направлению к своей машине.

«Если ты, урод, с моими документами уйдёшь, я вас всех тут урою!» мысленно пообещал лейтенанту Беляк. «Хватит меня доводить!»

– Поговори с начальством, – спокойно и уверенно сказал Кирилл и протянул мобильный лейтенанту.

Якименко поправил висевший у него на шее АКС-74, отвёл ствол в сторону, наклонился и аккуратно, кончиками пальцев взял телефон.

– Слушаю, – тихо сказал лейтенант.

Беляк демонстративно отвернулся, словно бы и не вслушиваясь в разговор, но сквозь шум дождя профессионально настроенным слухом улавливал обрывки фраз: «...так точно, лейтенант Якименко... проверка документов... он не сказал... оперативное задание, понимаю... да, простите за беспокойство...»

«Давай, лейтенант, извиняйся» подбодрил служивого Беляк. «Не каждый день тебе с таким высоким чином общаться приходится. А если бы милицейское удостоверение ему показать, то меньше бы он сомневался? Или...»

Лейтенант, отряхнув телефон от капель, вернул трубку Беляку.

– Проезжайте!

– Документы верни! – грубым тоном потребовал Беляк.

И, ядовито усмехнувшись, поинтересовался:

– Номер записать не хочешь?

Лейтенант покрутил головой и, возвращая документы, забормотал:

– Ну вас с вашими номерами! Операции у них какие-то, машины оперативные... С вами без башки останешься!

– Это точно, – согласился Беляк.

И миролюбивым тоном заметил:

– Да не парься, лейтенант. Видишь, кореша домой везу. Плохо парню стало... на задании.

«Знаем мы ваши задания» подумал лейтенант. «С гулянки, небось, да ещё и сам на грудь принял. Потому из машины выходить не хочешь. Боишься, что на ногах не удержишься».

Но, подумав так, ничего не сказал. Только козырнул на прощание.

Спустя минуту после того, как «Форд», взвизгнув резиной, улетел прочь, подумал Якименко, что дело тут всё-таки какое-то нечистое. Отметил он с запозданием, что не пахло алкоголем в салоне. И кореш тот белый какой-то и обмякший в кресле сидел... И вообще...

«Да ну их!» окончательно решил лейтенант. «С лубянскими и солнцевскими лучше не связываться. Забыть – и всё тут!»

Он поправил съехавший на бок бронезиленит и с важным видом заходил по краю тротуара, взглядываясь в ночную темноту.

Смена его только начиналась.

«Комарницкий А. Л., одна тысяча девятьсот семьдесят четвёртого года рождения. Образование высшее, профессия – инженер-механик. После окончания института (1996 год) работал продавцом, грузчиком, разнорабочим. В 2001 году женился. В 2003 году родился ребёнок (девочка). В сентябре 2007 года Комарницкий, находясь в состоянии буйного помешательства, убил жену и дочь. Тела убитых сбросил с балкона во двор дома. После чего открыл краны и затопил квартиру (а так же квартиры соседей). При задержании оказал активное, вооружённое (в качестве оружия был использован туристический топорик) сопротивление сотрудникам милиции. Один сотрудник милиции был убит, двое – тяжело ранены. Сам Комарницкий получил пулевое ранение в плечо, и только после этого был задержан.

Ввиду полученного ранения сразу же после задержания был направлен в тюремную больницу.

В сентябре 2007 проходил лечение в тюремной больнице. После завершения лечебного курса помещён в камеру предварительного заключения.

В октябре 2007 года задушил сокамерника. В конце октября 2007 года напал на конвоира. Обезврежен с применением спецсредств (резиновых дубинок).

До конца октября 2007 года (несмотря на явно агрессивное и неконтролируемое поведение) следственными органами нахождение психиатрической экспертизы не направлялся.

Экспертиза, проведённая по настоянию защиты, определила у Комарницкого А. Л. ярко выраженное состояние маниакально-депрессивного психоза с преобладанием маниакальной составляющей, перешедшего в фазу необратимого распада личности.

В ноябре 2007 года Комарницкий А. Л. судом признан невменяемым, помещён в психиатрическую лечебницу закрытого типа.

В июне 2008 года группой поиска был направлен для исследования в подконтрольный УССМ лечебный центр. По представлению Балицкого С. С. включён в оперативную группу КПБ.

По информации медицинских сотрудников КПБ состояние Комарницкого стабилизировано. Успешное проведение процедуры психореабилитационной трансгрессии по методу Балицкого даёт основания считать данного сотрудника одним из самых перспективных боевиков «Коллектива патриотических больных».

Лопарёв Т.П. ...»

«Мой отец умер, когда мне было пять лет. Говорят, его погубила пневмония. Зимы в Казахстане обычно суровы, в северных степных районах зимой бывают очень крепкие морозы. Такие, что и спиртовой градусник на улице под мертвящим дыханием ледяной степи вымораживается, покрывается белым льдом, а потом и вовсе трескается, да так, что столбик замёрзшего спирта выпадает прямо на снег.

Это ведь одно из воспоминаний моего детства: безлюдный двор, скрипящие под ветром качели, облизывающая сугробы позёмка, колючий снег, смешанный с солоноватым песком.

И потрескавшийся градусник у подъезда. Ещё одиночество. Я гуляю один. Сам не знаю, почему так произошло, как так могло случиться, что одиночество не отпускало меня и ревнивым, занудным, надоедливым другом бродило рядом со мной, отпугивая от меня всех прочих друзей.

Быть может, потому так всё было, и продолжается сейчас, и будет продолжаться впредь, потому нет никого рядом со мной и никогда не будет, что слишком сконцентрирован я ан самом себе, на своей, возможно, выдуманной и иллюзорной миссии, на своих чувствах и желаниях, на своих тщательно расковыриваемых мною же болячках, на своей никому не нужной и ничёмной исключительности.

Вот и сейчас пишу я о самом себе, погружаюсь лишь у ту часть воспоминаний, которая доступна мне одному и из картин детства приходит мне на ум лишь те, где я один, и рядом – никого. А ведь было так не всегда, не всегда я был одинок, но помню лишь одиночество, потому что избирательна моя память.

Избирательна до лживости. И зеркала её... нет, мои – кривые!

Я хотел написать о своём отце. Это важно для меня – вспомнить о нём, именно сейчас. А вспомнил привычно... снова себя. Но я исправлюсь, исправлюсь непременно.

Сейчас не обо мне речь. О нём, о моём отце.

Я родился в декабре 1959 года. В декабря 1964 года мне исполнилось пять лет. В январе 1965 года умер мой отец.

Мы жили в маленьком посёлке, где-то в пригороде Кустаная. Может, на окраине самого Кустаная. Не помню точно... Это был не город, просто рабочий посёлок.

Отец мой родом из семьи ссыльных. В 1938 годы деда моего, профессора Балицкого (известного петербургского, петроградского, а потом и ленинградского учёного-психиатра), арестовали по делу Барченко, судили скорым пролетарским судом и приговорили к расстрелу. Собственно, с Барченко мой дед не был знаком и никогда вместе не работал (тем более не имел никаких общих дел с лубянским магом и покровителем красных колдунов Глебом Бокия), однако фантазёры-чекисты, распутывавшие «заговор гипнотизёров», добрались и до моего

деда, включив его в группу террористов, планировавших погубить товарища Сталина при помощи «психических волн».

Болван из НКВД с двумя классами образования, избивавший деда на допросе, просто зверел и выходил из себя, едва только при нём произносили слово «гипноз».

А гипнозом мой дед занимался, это правда. Наверное, это родовое у нас, семейное. И дар гипноза, и склонность к изучению души человеческой... И проклятие, губящее нас.

Дар-проклятие.

А ещё – недалёкие, заносчивые, малограмотные «государственники» из бесчисленных, непрестанно меняющихся имена и маски спецслужб, неизменно липнувшими у телу призраками сопровождающие нас, Балицких, из поколения в поколение, из жизни в жизнь.

Дед, отец, я.

Это тоже – часть проклятия.

Я погубил сына. Проклятие, быть может, кончится не мне.

Должно быть, Творец всеведущий, которого я испытывал, решил, что миру достаточно мучиться. Решил, что меня – хватит. Конец!

Чекисты подвели деда моего под расстрел, они же, как ни странно, спасли его. Точнее... Не спасли, нет. Просто немного изменили приговор. Информация об уникальных опытах по воздействию на психику человека, которые в своей ленинградской лаборатории в течение многих лет проводил мой дед, была, оказывается, детально зафиксирована сексотами НКВД и доведена до сведения руководства.

Исполнение приговора отсрочили. Потом вслед за Ежовым пришёл Берия. Что-то изменилось в Москве. Чекист стали более прагматичными. Деду расстрел заменили двадцатью пятью годами отсидки. И отправили...

Не знаю точно, как называлась эта организация. Под вывеской медицинского института была настоящая живодёрня. Дед едва не сошёл с ума...

Он выжил. В 1953 году был арестован Берия. Деда моего освободили в 1954-м. освободили, но не реабилитировали. В 1956 году дедушка неожиданно умер. Да, неожиданно и скоропостижно. Он не жаловался на здоровье, в заключении находился он хоть и не в санаторных, но всё-таки во вполне приличных, по ГУЛАГовским меркам – в очень даже хороших условиях.

Он собирался долго ещё прожить. Отцу сказали: «приступ перитонита».

Не люблю строить гипотезы при отсутствии достоверной информации. Но... труп кремировали. У деда нет могилы.

Отец мой не дождался возвращения деда. В 1938 годы (от греха подальше!) бабушка из Ленинграда уехала в Саратов. В 1940 году их нашли и там.

Члены семьи «врага народа» сосланы были в Казахстан. В тот самый степной посёлок.

В 1944 году отцу исполнилось 18 лет. Но на фронт он не пошёл, а отправился напрямик в следственный изолятор. Кто-то из местных написал на него донос... Не знаю всех деталей этой истории. Кажется, у какого-то чина из районного управления НКВД болела дочь. Припадки. Возможно, эпилепсия.

Чекист, присматривавший за нашей семьёй, рекомендовал чину обратиться за помощью к моему отцу. Отец мой, добрая душа, многих в посёлке лечил. Дар его был светел и проявился очень рано и мощно.

Лечение девочки было успешным. Три сеанса гипноза. Девочка выздоровела.

На чина из НКВД написали донос («коммунист, а пользуется услугами какого-то шарлатана! да ещё и члена семьи... сами знаете, кого...»). Чин, спасая себя, упрятал отца в тюрьму.

Выбил показания. Но до суда дело довести не успел. Сам был арестован.

В 1945 году отца выпустили. Он долго болел. Горлом шла кровь.

На фронт он так и не попал.

В 1954 году отец узнал об освобождении деда. Дедушка прислал ему письмо. Делился радостью, строил планы на будущее. Просил пока не приезжать и не встречаться с ним. Не знаю, какие доводы и объяснения подобной просьбе он приводил в своём письме (откровенность в письме могла плохо закончиться и для деда, и для отца), но семья всё поняла.

И бабушка, и отец мой остались в Казахстане.

Ждали встречи. А потом... Потом узнали, что возвращаться некуда и не к кому.

Чужие люди похоронили деда. Хотя... Можно ли назвать казённую кремацию – похоронами?

Не ритуал, заметание следов.

Замело время... Рассыпало, развеяло прах.

Жестокое, страшное, подлое время!

В 1957 году бабушка умерла. Должно быть, она очень переживала смерть деда. И ещё то, что они так и не встретились...

В 1958 году мои родители встретились и поженились.

В декабре 1959 года я родился.

Болел краснухой и свинкой.

Питание было плохое. Воду брали из колонки во дворе. Я не любил пить эту воду из стеклянного, прозрачного стакана. В воде стояла мутная, жёлтая взвесь. Противно было смотреть на эту воду.

Из металлической кружки – как-то легче. Не видно...

Глупость!

Я не любил и боялся людей. Во жила дворняжка. Забыл, как звали её... Она играла со мной.

Привозили молоко. Холодильников не было тогда. А летом в тех краях – жарко.

Потом была какая-то желудочная инфекция.

Зимой – холод и пронизывающий ветер.

Та зима была особенно холодной. В январе отец простудился и слёг. Пневмония. Болезнь развивалась быстро.

Лёгкие у отца были отбиты ещё сапогами чекистов. Жизнь в степи здоровья не прибавила.

В январе отец умер.

Мать плакала. Степь казалась ей кладбищем. Гиблым местом. Она говорила, что надо уезжать отсюда. Точнее – бежать. Говорила, что есть родственники в Москве. Какие-то очень дальние родственники. Они примут, хотя бы на несколько дней. Потом всё устроится...

Она была явно не в себе. Она помешалась. Но мне было всего пять лет, и она была для меня мамой. Единственным родным человеком. Поводырём моим в этом мире, опорой моей.

Любимой мамой.

Она говорила: «я не брошу тебя!»

Зачем... Почему она обманула меня? Сама не понимала, что творит?

Она бросила...

Мама моя была школьным библиотекарем. В тот день она закрыла двери библиотеки, оставила завучу ключ.

Пришла домой, собрала вещи. Одеда меня.

Мы пошли на железнодорожную станцию. Степной полустанок.

Она сказала, что скоро должен быть поезд, на котором мы уедем отсюда. Далекое, далекое...

Да, в Москву!

Здесь она не обманула меня. Я действительно уехал. И она – не смогла.

Она бросила меня.

Может ли её безумие служить оправданием?

Могу ли я оправдаться перед ней за всю мою жизнь, прожитую без любви? За то, что подаренное ей тепло погасло во мне?

За то, что не только молюсь ей, но и проклиная её?

И как ей оправдать меня? Ведь её нет!

А я каждую ночь прошу еёб «держи меня, не отпускай... не покидай».

Будто стараюсь схватиться за руки её... за пустоту!

Откуда знаю всё это? Как узнал я о судьбе моего деда, бабушки, отца? Аресты, ссылки, письма... Откуда знаю о том, что мама моя закрыла библиотеку перед бегством из степного посёлка?

Много лет по крупицам восстанавливал я историю моей семьи.

Выросший в приюте, хотел я вернуться назад. В те первые пять лет жизни, когда была у меня семья.

Я вернулся в степной посёлок. Было это уже в середине восьмидесятых. Я встретился с завучем. Старушка давно была на пенсии, в преклонных годах, но память сохранила отменную и день тот помнила хорошо. Запомнился ей тот день...

Ещё был я на станции... Там всё изменилось, дощатую платформу замерили бетонной, перестроили станционное здание.

А вот рельсы... Глупость, конечно, чушь, но рельсы казались мне прежними.

Будто не меняли их с той поры. Я боялся смотреть на них. Боялся, что увижу пятна крови.

Я не стал ночевать в посёлке. С первым же поездом уехал прочь.

Я всё-таки уехал, мама!

В тот февральский день стояли мы на платформе. Мне было холодно, очень холодно.

Мама сказала, что в здании есть расписание. Надо посмотреть и узнать, когда придёт поезд. Он должен скоро придти.

Я побежал... Зачем? Мне было пять лет, я учил азбуку, но читать ещё не умел.

Я убежал, а она...»

«Из сообщений телевизионного информационного агентства «Седьмой канал – Russian Satellite Channel»

...С точки зрения финансовых аналитиков банковского консорциума «Moscow Unit Bank» нарастающая дестабилизация банковского сектора России вызвана набирающим обороты с мая этого года кризисом ликвидности, причинами которого являются системные сбои в кредитовании российских банков при получении займов из зарубежных источников.

Эксперт финансово-аналитической группы МУВ Семён Ратецкий в беседе с нашим корреспондентом сообщил следующее:

«Не хотелось бы чрезмерно сгущать краски и заниматься апокалиптическими пророчествами, но с учётом полученной нами информации о банкротстве крупных и до последнего времени весьма устойчивых кредитных организаций, можно констатировать, что российская банковская система находится в состоянии полураспада.

Система кредитования, используемая российскими банками, фактически базируется на получении займов у зарубежных банков под относительно низкие проценты и перепродаже кредитов на внутрироссийском рынке под более высокие проценты. Я, конечно, не хотел бы сейчас обсуждать вопрос о пресловутом «суверенитете» банковской сферы, поскольку сам термин «суверенитет» является политическим, а не экономическим, да и к тому же, очевидно, плохо соотносится с принципом открытости экономики и её интегрированности в мировые финансовые процессы.

Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что российских банковский сектор не опирается на производственный капитал по причине фактического отсутствия оног

в России, а, скорее, реализует схемы по перепродаже импортируемых денег, что лишает его необходимого прочностного ресурса.

Таким образом, любые сбои по кредитованию за рубежом, вызванные либо объективными экономическими причинами, либо иными факторами неэкономического характера, в случае их системного проявления, неизбежно приведут уже не к кризису, а к полному краху банковского сектора.

То есть, условно говоря, из состояния полураспада мы перейдём в состояние распада и развала российской системы кредитования.

И вот когда кризис финансовой системы приведёт к кризису системы политической, настанет, видимо, время поговорить о той самой «демократической суверенности», о которой так долго рассуждали наши власти, ныне по каким-то причинам не желающие и пальцем пошевелить для спасения своей гибнущей «суверенной демократии» и принять план спасения, предлагаемый нашими зарубежными партнёрами.

Времени, между тем, остаётся всё меньше...»

– Как заговорил, а? Красиво заговорил! – восхищённо прошептал Шевалдин и, нажав на кнопку пульта, отключил телевизор.

Огромное лицо Ратецкого исчезло с экрана и чёрная плазменная панель показалась генералу глухим и тяжёлым театральным занавесом, на короткое время скрывшим сцену, где невидимые зрителям хлопотливые рабочие, стараясь не шуметь и не стучать молотками, собирали поспешно декорации для нового действия, на протяжении которого силами искусных лицедеев разыграна будет главная часть трагедии, пик страстей с кульминацией, полагающимся в таких случаях катарсисом, фейерверками, парадом драконов и бесплатной раздачей театральных конфет.

А сборы со зрителей будут так велики, что покроют не только расходы на парады и конфеты, но и позволят театральной труппе долгие, долгие годы сыто и счастливо жить в покое, надолго забыв об изнурительных репетициях и постановках.

– Ай, молодец!

Генерал даже зажмурился от удовольствия.

– Смелые стали ребята, ультиматумы лепят один за другим. А наши партнёры сомневались, что Ратецкий на такое решится. А он не подвёл, точно по плану сработал.

Вот только, пожалуй, зря он упомянул в своей речи «факторы неэкономического характера». Это ни к чему...

Большинство зрителей, конечно, и внимания не обратит на эти слова. Но передачу эту не только обыватели смотрят. И политологи в поздний час у телевизора сидят. И референты аналитических служб цитату в дайджест копируют.

И умники из администрации президента и аппарата правительства передачу на DVD запишут, а потом – кому надо покажут.

А те, кому это надо, намёк поймут. А намекать так прозрачно ещё рано. «Лабиринт» ещё не сработал.

«Надо будет Томскому завтра позвонить».

Генерал потянулся и встал с кресла.

«Пусть найдёт время, встретиться с Ратецким. Подкорректирует его немножко... Нам-то что, мы исполнители. Сидим на своём участке, делаем дело. А вот большие люди беспокоятся. Зачем хорошее выступление портить ненужными намёками? Надо поправить, поправить слегка...

– Миша! – позвала жена.

Шевалдин зашёл в спальню, на ходу запахивая халат.

– Опять за полночь сидишь? – спросила жена.

И поморщилась.

– Я и так тебя сутками не вижу, так ты ещё у телевизора...

– Работа такая, – виновато пробормотал Михаил Николаевич. – Насть, ты не расходишь. У меня вон офицеры некоторые по неделе из управления не выходят, а то и больше.

– А я вот сама о своём здоровье заботиться должна! – разошлась-таки жена. – Сама в спа-центр хожу, сама на массаж записываюсь. У тебя же столько знакомых, такие связи! Снял бы трубку...

– Я бы тебя в наш медицинский центр свозил, – сказал Михаил Николаевич и хитро улыбнулся. – Да, боюсь, не понравится тебе там.

– Дурак старый! – крикнула в ответ жена и, окончательно расстроившись, завернулась в одеяло, прикрыв голову подушкой.

«И то ладно» согласился Шевалдин. «Спи, ворчунья, спи. А я, пожалуй, пойду, кофейку сварю. Ночи у нас бессонные начинаются, долгие...»

– Я за городом. Место спокойное. Решай, командир, что с пассажиром делать.

Беляк покосился на всё ещё не очнувшегося владельца машины.

– Ты его всё ещё с собой возишь? – изумлённо воскликнул Ладеев.

Беляк на мгновение прикрыл телефон ладонью и негромко выругался.

– А куда мне его девать? Ремнём пристегнул, вожу с собой. В городе надо было его бросить? Чтобы менты или прохожие засекли? Нас тогда завтра по дороге на работу повяжут. Клиента не окучим, и у ментов в клетке будем по дурусти париться. Устраивает?

Ладеев задумался.

– Решай быстрее! – поторопил Беляк. – Здесь площадка глухая. Похоже, отстойник для дальнобойщиков. Пока никого нет, но гости могут заскочить на огонёк. Тогда место придётся менять, пассажир проснётся...

– Место точно тихое? – переспросил Ладеев.

– Вальтер, не держи меня за дурака! – разозлился Кирилл. – Не люблю, когда меня за это место держат. Я за свои слова отвечаю. Здесь никого, площадка не просматривается. Пассажир в себя не приходил, видел меня мельком. Можно сохранить. Решай!

Ладеев откашлялся. Трубка всхлипнула и зашипела.

– Ладно, Беляк, не заводись... Убирай пассажира!

Беляк посмотрел на невольного попутчика и заметил, что веки у того подрагивают и скоро могут открыться.

– Или здесь его бросить? – предложил Кирилл.

Он и сам не знал, почему не хочется ему убивать этого парня. Не первый же, в самом деле... Но что-то тошно стало на душе. Нехорошо.

По капризу, по слишком человеческой глупости захотелось не делать страшного дела. Может потому, что дело освоенное привычным так и не стало.

И ещё... Убивать безоружных Беляк не любил. Потому и не стал ликвидатором. А стал водителем в оперативной группе.

Да вот и водителю в такой группе приходится руки пачкать.

– Запрещаю! – отрезал Ладеев. – Если завтра что-то не срастётся, придётся выслеживать. Водила заявление напишет. Машину придётся бросить. Тебя менты по дороге тормозили?

– Тормозили, – тихим голосом произнёс Беляк.

Настроение у него окончательно упало.

– Номера могли запомнить? – наседал Ладеев.

– Могли, – подтвердил Беляк.

– Если до утра этот крендель очнётся и заявит, то в город мы не сунемся. Убирай!

Беляк нажал на кнопку разъединения.

Отстегнул пассажиру ремень безопасности. Парень сполз набок, головой уткнувшись в боковое стекло.

Беляк вышел из машины, обошёл её, открыл багажник. Покопавшись, нашёл ящик с инструментами. Отобрал отвёртку подлиннее.

Открыл переднюю дверь, левой рукой придержал выпавшего было из кабины пассажира. Ладонью правой руки сжал поплотней рукоятку отвёртки.

«Только бы не вспотела!.. Кость надо сразу пробить, иначе очнётся, кричать будет».

Резким ударом всадил отвёртку в висок.

Парень вскрикнул, но очень слабо и приглушённо. Сознание покинуло его прежде, чем успел он ощутить короткую боль.

Он подался вперёд и тут же ослаб, обмяк.

Кирилл выдернул отвёртку и вытер её о пиджак убитого.

Положил отвёртку в ящик, закрыл багажник.

Когда затаскивал убитого в кусты, что разрослись густо и почти непроходимо у самой площадки, то услышал так и не выключенный по недосмотру телефон. Кто-то звал погибшего.

Сам не зная, зачем и по какой причине, нарушая все меры безопасности, будто в трансе, в оцепенении – потянулся Беляк за этим, совсем ненужным ему телефоном убитого им человека.

И вздрогнул невольно, услышав в трубке раздражённый женский голос:

– Коля, сколько тебя ждать можно? Ты час назад должен был меня встретить. Я тебя час под дождём прождала! Сам предложил в клуб пойти! Чтобы я ещё раз!..

Беляк бросил трубку на землю. И топтал каблуком до тех пор, пока синий экран, мигнув, не погас.

– Невезучий ты! – обратился Беляк к покойнику. – Не было бы заданием таким важным, так отделался бы сотрясением мозга. И мне легче было бы. А тут... Руби концы, как говорится. Хорошо хоть, помер аккуратнo, салон не запачкал. Ладно, лежи уж...

Затащив труп подальше в заросли, вернулся Беляк к машине.

И ту понял, что совсем он плох стал и нервы впрямь расшатались у него до крайности.

Он забыл закрыть машину!

Пока он труп таскал, она так и стояла на площадке с открытыми дверями.

Что уж про сигнализацию говорить, если уж он даже двери забыл закрыть.

«Болван!» отгругал себя Беляк. «Тупица! Вот ведь растяпа! А если б угнал кто? Опять в город возвращаться? И опять...»

Он вздрогнул, представив, как пришлось бы ещё один труп тащить куда-нибудь в канаву.

«Надоело всё... Господи!»

Он выехал с площадки. И долго колесил ещё по глухим подмосковным дорогам.

Нет, не заметал следы. Зачем?

Никто его не искал. Ни от кого он не прятался.

Просто надо было успокоиться. Придти в себя.

К трём часам ночи добрался он до кольцевой дороги.

Сердце успокоилось. Бесцельная езда закончилась.

Нужно было выполнять следующую часть операции.

Беляк ехал в гаражный комплекс, что расположен был на востоке Москвы, недалеко от Измайлово.

Там, в арендованном через посредника гараже ждали его новые автомобильные номера. Заранее вписанные в спецалон, запрещающий досматривать автомобиль Федеральной службы безопасности.

Что ж, документы прикрытия их контора готовить умеет!

Жаль, что фээсбешники этого не оценят.

А Управление, конечно, им об этой мелочи не расскажет.

И в очередной раз прикроет широкой своей спиной.

«С такой конторой не пропадёшь!» подумал Беляк.

На душе стало совсем легко и радостно. Государство же за спиной, не гопники, в самом деле. Там знают... всё знают, как лучше... Иногда и так лучше...

Говорят же, что война идёт. На войне убивают. Кто скажет, что это неправильно?

«Правильно» прошептал Беляк.

И прибавил скорость.

Солнечный летний день был в самом разгаре, но в этом кабинете было темно и по-осеннему прохладно.

Рудневу даже показалось на мгновение, будто тянет откуда-то запахом погребной сырости, но именно – показалось, потому что такой запах уж явно не соответствовал бы роскошной обстановке кабинета, где светло-коричневый мрамор мозаичных стен удачно сочетался с яркостью и византийской пышностью золотисто-зелёного декора, а мебель тяжеловесным величием своим напоминала отнюдь не офисные гарнитуры эпохи новорусского капитализма, а, скорее, солидные бюро преуспевающих европейских буржуа золотого девятнадцатого века.

Генерал-майор ФСБ Руднев, который считал себя вполне обеспеченным и даже отчасти знакомым с роскошью человеком, совершенно потерялся в этом величии, исчез и растворился в слепящем свете имперского золота, и казался самому себе таким маленьким, слабым и жалким, что избегал он смотреть в зеркальные панели, которыми украшен был камин, устроенный в декоративной нише кабинета.

Не хотел он видеть своё отражение. В отражении он был лилипутом.

И всё-таки... Не погребной запах, нет! Руднев, конечно же, не более чем на мгновение мог спутать запах этот с духом сырого погреба. Это был иной запах сырости.

Так пахнет кондиционированный и профильтрованный воздух, который давно уже не разбавляли воздухом с улицы.

Руднев сразу обратил внимание на то, что стены кабинета – глухие. Ни одного окна.

Не сразу можно было понять, как же проветривается этот кабинет, герметичностью своей похожий на бункер.

И только по едва слышному шелесту продуваемой по вентиляционным каналам фильтрованной, обогащённой кислородом и очищенной от пыли газовой смеси можно было догадаться, что где-то за декоративными панелями спрятаны воздухопроводы кондиционеров.

Но искусственный, безжизненный и даже по самой совершенной технологии осушенный воздух нёс с собой неотвязный, надоедливый, тревожный запах подземной сырости.

«Могила!» догадался Руднев и вздрогнул.

Человек, сидевший напротив него за столом, оторвался от экрана компьютера и посмотрел на Руднева с тревогой и недоумением.

– Плохо себя чувствуете, генерал? – хриплым и заметно подрагивающим голосом спросил владелец кабинета.

Руднев откашлялся.

– Горло с утра побаливает. А тут как будто влажно... Уборку недавно делали?

Руднев попытался улыбнуться. С улыбкой ничего не вышло. Уж очень сильное волнение охватило его. И ещё – досада.

Сначала начальник управления позвонил, потом – из администрации президента. И, будто сговорившись... Или – не будто, а впрямь сговорившись, потребовали, чтобы, бросив все дела, ехал он срочно на встречу с этим... Как его зовут-то?

Кажется, какой-то крупный чин из администрации президента. Но привезли-то его не на Старую площадь. Хоть дом этот рядом с Кремлём и, похоже, связан коммуникациями

с комплексом зданий на Старой площади, но стоит особняком, в глубине административного квартала.

Подъезд без вывески, кабинет без таблички. К этому Руднев привык. В разных организациях приходилось бывать. В таких, например, чьи названия только цифрами и обозначаются. Или вообще – в конторах без названий. Всякое бывало...

Но так, чтобы посреди рабочего дня, накануне ответственного совещания – лететь, сломя голову, на вызов неизвестно кого... Нет, такого ещё не было!

«Хоть бы представился для приличия» с обидой подумал Руднев. «Чего в секретность играешь? Мальчишка я тебе, что ли? Ты бы ещё маску одел и чёрный плащ! Цирк, ей-богу!»

Таковыми вот иронично-раздражёнными мыслями пытался генерал подбодрить самого себя. Но бодрости не было.

Была тревога. И с трудом уже скрываемая дрожь.

– С пропуском проблем не было? – всё тем же хриловатым, будто со старой, виниловой пластинки звучавшим голосом спросил человек за столом. – Охрана сразу пропустила?

– Сразу, – коротко ответил Руднев.

Хотел ещё добавить, что обыскивать на входе в здание было ни к чему, не врага же звали. Но добавлять ничего не стал.

Человек с полминуты неотрывно смотрел на генерала. Не сверлил, а, скорее, ощупывал взглядом. Рудневу даже показалось, что странный человек этот проверяет мысленно его карманы. Выворачивает наизнанку.

«А потом вывернет меня» подумал Руднев.

Он слегка подался вперёд и поправил мундир.

«Какой же взгляд-то у тебя... нехороший».

– Мирагин Игорь Игоревич, – представился человек за столом. – Сотрудник администрации президента. Наше подразделение курирует деятельность органов госбезопасности.

Человек замолчал.

«А руки не подал» отметил генерал. «И из-за стола не встал. Серьёзный мужчина, ничего не скажешь. Как говорится, без церемоний и сантиментов...»

Генерал понял, что теперь самое время представиться ему. Хотя, наверное, это излишне, хозяин кабинета и так знает о нём всё или почти всё, но – порядок есть порядок.

– Руднев Олег Михайлович, генерал-майор Федеральной службы безопасности.

– Очень приятно, – с равнодушием компьютера произнёс Мирагин.

Он даже для вида не улыбнулся и наклонил голову в ответ на представление.

Впрочем, обиды у Руднева уже не было. Обострённый и отточенный за долгие годы службы бюрократический инстинкт подсказывал ему, что этот человек за столом, хоть формально и не является его начальником, но всё же может, имеет право давать генералу руководящие указания, которые надо будет выполнить.

Или, по крайней мере, с готовностью принять к исполнению.

Этот тот человек, который может потребовать от генерала преданности, исполнительности и лояльности. Не попросить, а именно потребовать.

И надо будет проявить преданность, исполнительность и лояльность.

Или, по крайней мере, продемонстрировать. Убедительно продемонстрировать!

Иначе будет плохо.

– Это я пригласил вас для беседы, – продолжил Мирагин. – Вы заметили, что находитесь не в основном корпусе?

– Заметил, – ответил Руднев.

– Здесь удобней, – пояснил Мирагин. – Разговор чрезвычайно важный и конфиденциальный. Обмен информацией в данном случае лучше проводить...

Он замер на секунду.

– ...В особом помещении. Это мера безопасности.

Мирагин согнутым пальцем легонько стукнул по лежавшему перед ним на столе блокноту.

– Особая мера безопасности, которая соответствует уровню секретности тех данных, которыми я с вами хотел бы поделиться.

«Вот как?!» удивился Руднев. «А не просто так ведь поделиться... Сам кое-что выпытает для начала».

И в подтверждение этой мысли Мирагин спросил:

– Хотелось бы от вас узнать, генерал, как продвигается расследование убийства Осипова? Вам ведь передали его дело?

– Я не уполномочен,.. – начал было Руднев, но был сразу же остановлен.

– Я вас уполномочиваю, – неожиданно повысив голос, жёстким тоном произнёс Мирагин. – Вы и в моих полномочиях сомневаетесь? Мы можем пойти официальным путём, но это вызовет ненужный шум и вам от этого будет только хуже. Прошу вас ответить на мой вопрос.

«Не надо на рожон лезть» решил Руднев. «Он через начальство до меня доберётся. А мужик, похоже, серьёзный. С ним лучше сотрудничать».

– Пока ничего особенного, – с подчеркнутым спокойствием и даже некоторым равнодушием ответил Руднев. – Обычная следственная рутина: опрос свидетелей, отпечатки пальцев, проверка контактов и деловых связей покойного...

И тут Мирагин рассмеялся. Коротким, ядовитым и обидным смешкой.

«Что это он?»

Руднев недоумённо закрутил головой.

– Деловые связи? – переспросил Мирагин. – Генерал, да вы, видно, шутник. Или считаете меня недостаточно информированным человеком.

Он вытянул руку и потряс перед носом опешившего генерала сухим, скрюченным пальцем.

– Вы и есть главный контакт Осипова, генерал! Его деловой партнёр, сообщник и временами даже собутыльник. Себя проверяете, Олег Михайлович? Свой кабинет уже обыскивали? Себя на допрос вызывали? И какую меру пресечения для себя думаете выбрать?

Руднев, потрясённый услышанным, молчал, наклонив голову, чтобы не заметил Мирагин испуг в его глазах.

Тому, впрочем, в глаза не надо было заглядывать. Он и так прекрасно чувствовал смятение генерала.

Мирагин раскрыл блокнот и скучным бухгалтерским голосом прочитал:

– Десять поставок в Афганистан. Шестнадцать в Судан. Четыре на Шри-Ланку. Двенадцать в Анголу. Шесть в Албанию. Три в Ирак. Девять в Колумбию. И это только за последнее полгода. Есть и другие данные, но за ними в архив надо лезть. Последние два пункта самые интересные. В Ирак от вас ушли ПЗРК. В Колумбию мины и стрелковое оружие. В том числе крупнокалиберные пулемёты. Интересен и пункт с Афганистаном. Вы пытались порошок «три девятки» кинуть албанцам. Порошок получили в уплату за оружие, да вот с реализацией промашка вышла. Албанцы сначала согласились. Потом на попятный пошли. А после Ирака и Колумбии ваших деловых партнёров отстреливать начали, генерал. Осипов ведь не первый? Просто раньше пешек с доски убирали, а теперь вот ферзей с королями едят. Королей по правилам есть нельзя, но убийцы наши, похоже, плевали на правила. И никого не боятся. Странные люди, генерал, не правда ли?

Руднев не ответил. Он сжал губы, словно боялся ненароком проронить неосторожное слово, и сидел без движения, с бледным восковым лицом.

– Тяжело с вами, силовиками, – сказал Мирагин.

И улыбнулся – краешками губ.

– На слух плохо воспринимаете. С бумаги предпочитаете работать. Бумагам доверяете. Понимаю, сам бюрократ. Вам ведь начальник управления не говорил, куда именно вся информация по сделкам стекается? Кто лампы ваши прикрывает? Кто ваш совсем не маленький бизнес страхует?

«Разводка?» с тревогой думал Руднев, стараясь смотреть только прямо перед собой, чтобы ненароком не встретиться взглядом с этим загадочным и опасным бункерным человеком. «Это он? Тот, кто курирует поставки? Представитель администрации? Или хорошо информированный провокатор, который на испуг берёт? Звонок был от руководства. Руководство в курсе... Это не может быть человек со стороны, не стали бы меня так подставлять. Но всё же...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.